

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК

И.В. Евсева

« 16 » июля 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ЛАГЕРЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»,
В.Т. ШАЛАМОВА «КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ»,
З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»)**

Выпускник

Д.В. Максимова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. А.Н. Сперанская

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КАТОРЖНО-ЛАГЕРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ.....	6
1.1 Каторжно-лагерная проза второй половины XIX-XX века	6
1.1.1 Творчество А.И. Солженицына и особенности стиля повести «Один день Ивана Денисовича»	8
1.1.2 Творчество В.Т. Шаламова в период создания «Колымских рассказов»	11
1.1.3 Роман Захара Прилепина в контексте русской тюремно-лагерной прозы XX века: «Обитель» как новый взгляд на систему лагерей.....	14
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	17
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ	18
2.1 Ключевые слова	21
2.2 Языковая личность.....	22
2.3 Лексико-семантическое поле.....	26
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	30
ГЛАВА 3. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ВХОДЯЩИЕ В ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ «ЛАГЕРЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА, В.Т. ШАЛАМОВА И З. ПРИЛЕПИНА	31
3.1 Ключевые слова «свобода» и «воля»	31
3.1.1 Слова «свобода», «воля» в русском языковом сознании.....	31
3.1.2 Реализация смыслового потенциала слов «свобода», «воля» и их лексических дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина.....	33
3.1.3 Синтаксическая позиция лексем	38
3.1.4 «Свобода» и «воля»: выводы.....	42
3.2 Ключевые слова «труд» и «работа»	43
3.2.1 Труд как объект идеологизации в советской действительности	44

3.2.2 Реализация смыслового потенциала слов «труд», «работа» и их лексических дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина.....	45
3.2.3 Синтаксическая позиция лексем	50
3.2.4 «Труд» и «работа»: выводы	54
3.3 Ключевые слова «заключенный», «зэк», «лагерник» и «лагерь»	57
3.3.1 Функционирование и синтаксическая позиция лексем «заключенный», «зэк», «лагерник» в текстах А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина.....	57
3.3.2 Репрезентация в текстах лексемы «лагерь» и смысловое наполнение и синтаксическая позиция лексемы «лагерь» в текстах А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина	64
 ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	 68
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	73

ВВЕДЕНИЕ

Тема дипломной работы – «ключевые слова понятийного поля «лагерь» (на материале произведений А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», З. Прилепина «Обитель»»).

Объектом исследования настоящей дипломной работы являются художественные тексты «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына, «Колымские рассказы» Варлама Тихоновича Шаламова, «Обитель» Захара Прилепина.

Предмет исследования: лексемы «свобода», «воля», «труд», «работа», «заключенный», «зэк», «лагерник», «лагерь» и их лексические дериваты.

Для раскрытия темы была поставлена **цель исследования** – изучить ряд выбранных лексем, репрезентирующих часть языковой картины мира писателей в произведениях А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», З. Прилепина «Обитель».

Для достижения целей необходимо выполнить следующие **задачи**:

- рассмотреть литературу, посвященную функционированию ключевых слов;
- сделать выборку контекстов с интересующими лексемами из художественных текстов;
- проанализировать контексты;
- представить совокупность значений выбранных слов в русском языке в том виде, как они отражаются в словарях;
- сопоставить смысловой объём слов, представленный в словарях, и речи конкретного писателя;
- описать семантику и функционирование выбранных слов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина с учётом употребления данных слов в разных синтаксических позициях;

Актуальность семантического анализа языка произведений А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и З. Прилепина вызвана тем, что позволит получить новые факты, расширяющие наши представления о картине мира данных писателей. Ценность исследования состоит в понимании того, как используются конкретные лексические единицы в произведениях отечественных писателей. Кроме этого, данный материал способен помочь в осмыслении жизни советского человека в условиях несвободы, отношения к труду. Данная проблематика является актуальной для сегодняшнего дня, когда фокус внимания в области гуманитарного знания обращен к антропоцентрической парадигме.

Степень научной разработанности. Как показывает знакомство с научными трудами, функционирование лексем «свобода» и «воля» в творчестве А.И. Солженицына уже рассматривалось исследователями, однако повесть «Один день Ивана Денисовича» не анализировалась отдельно и не сопоставлялась с другими произведениями о лагерях. Образ лагеря в рассказе «Прокаженные» В.Т. Шаламова уже изучался, также существует исследование, посвященное «жителям страны ГУЛАГ», то есть заключенным в рассказах В.Т. Шаламова. Творчество Захара Прилепина пока изучено мало. Стоит отметить, что ранее три названных автора не анализировались вместе.

Методологической базой исследования послужили диссертации А.А Злобина «Семантика и функционирование слова свобода в произведениях А.И. Солженицына», Н.Р. Халитовой «Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: Особенности структурно-семантической организации», книга А.А. Зализняка, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира».

Методы исследования, использованные в работе: описательный метод, включающий приёмы наблюдения над конкретным языковым материалом, интерпретации, обобщения, сравнения, компонентного анализа текстовых

фрагментов, анализ ключевых слов, синтез, классификация. Привлекаются факты биографии писателей.

Структура диплома. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава включает обзор литератур о русских тюрьмах, жизни А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова в период заключения в лагерях, замысел и создание «Одного дня Ивана Денисовича» и «Колымских рассказов», а также жизнь З. Прилепина в период создания романа «Обитель». Рассмотрены понятия картины мира, языковой личности, ключевых слов и лексико-семантического поля. Во второй главе проанализированы лексемы заявленных авторов, а именно их произведения: «Один день Ивана Денисовича», «Колымские рассказы», «Обитель».

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней охарактеризованы основные синтаксические позиции, в которых актуализируются те или иные значения ключевого слова. Кроме этого, проанализировано, как реализуются в контекстах значения лексических единиц, производных от рассматриваемых слов. Тем самым сделаны выводы о характере языковых личностей заявленных писателей.

Практическая значимость материалы работы могут быть использованы при анализе других ключевых слов, как в языке отдельно взятых писателей, так и в языке в целом. Исследованный материал также может использоваться при чтении спецкурсов, либо в рамках дисциплин «Русский язык», «Филологический анализ текста».

Апробация работы. Основные положения дипломной работы изложены в публикации «Семантика и функционирование слов «свобода», «воля» и их дериватов в произведениях А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы, З. Прилепина «Обитель». Результаты работы докладывались в выступлении на конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека».

ГЛАВА 1. КАТОРЖНО-ЛАГЕРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

1.1 Каторжно-лагерная проза второй половины XIX-XX века

Феномен тюрьмы в русской литературе способен служить индикатором социальных процессов, отражать нравственное состояние общества. В дореволюционной России заключенных отправляли в Сибирь, позже – на Сахалин, где они содержались под стражей и часто подвергались телесным наказаниям. Первыми, кто заговорил о жестоком обращении с заключенными, были писатели, зачастую сами подвергнувшиеся репрессиям или заключению. Русский прозаик А.Н. Радищев, приговоренный к ссылке за антиправительственную деятельность, Ф.М. Достоевский, отбывавший срок в Омском тюремном остроге. Таким образом, писателями было создано новое направление в русской литературе – «каторжная проза», ставившая в центр вопросы смысла жизни, веры и безверия, переосмысления ценностей [Фумм, 2015: 105–106].

Основоположником «каторжной прозы» принято считать Ф.М. Достоевского. Уже в «Записках из Мертвого дома» (1862) русская каторга предстает как другой, «особый мир», отклики этой традиции мы находим в «антимире» В.Т. Шаламова. В своем романе Ф.М. Достоевский ставил проблемы одиночества, изгойства, изоляции, принудительного труда, природы человека, способности оставаться личностью в любых обстоятельствах – все эти темы находят свое продолжение в дальнейшей каторжно-лагерной прозе. Таким образом Ф.М. Достоевский заложил особую художественно-документальную традицию в русской каторжной прозе, дальнейшее развитие которой уже не могло осуществляться без оглядки на «Записки из Мертвого дома». [Фумм, 2015: 106–107].

Следующий крупный писатель, обращавшийся в своем творчестве к «каторжной прозе», был А.П. Чехов. Антон Павлович отправился в длительную командировку на остров Сахалин в 1890 году. Целью его изучения являлся быт каторжников. В книге об «Острове Сахалине» писатель отмечал переполненность тюрем, антисанитарию, наличие клопов и тараканов, побои заключенных, совершаемые тюремным персоналом, но также писал и о наличии хорошего питания заключенных. Главная мысль А.П. Чехова состояла в том, что каторга не исправляет преступника, но напротив, ведет к полной утрате нравственности, представлений о добре и зле [Фумм, 2015: 107–109].

Проблемы свободы и рабства поднимает в третьей части своего романа «Воскресение» (1899) Л.Н. Толстой. Писатель изучал литературу о Сибири, его интересовали описания тяжелых нравственных страданий заключенных, вопросы деформации личности в тюремных условиях. Сибирь для Л.Н. Толстого была олицетворением народного страдания, и он отразил это в своем романе [Минералов, 2012: 107–109].

Таковы были самые крупные произведения «каторжной прозы».

В 1950-х – 1990-х годах в России сформировалось новое тематическое направление – «лагерная проза». Писателей, создающих своих произведения в рамках этого направления, объединяли такие черты:

1. общая проблематика: лагерь, тюрьма, система ГУЛАГа в целом;
2. автобиографичность;
3. документальность;
4. образ лагеря, воссоздаваемый в авторской картине мира;
5. особое пространство: лагерь как пространство «антимира», обособленного от материка острова;
6. особая психологическая составляющая: человек в ситуации несвободы;
7. особая авторская рефлексия над текстом, основанная на собственном опыте [Старикова, 2015: 173].

Рассмотрев главных представителей каторжной прозы в России и основные черты лагерной прозы, можно переходить к следующим разделам. Для понимания и анализа художественных произведений «Один день Ивана Денисовича», «Колымские рассказы» и «Обитель» необходимо провести реферативное исследование временных контекстов, в рамках которых они были созданы, включая события, повлиявшие на мировоззрение и стиль их авторов.

1.1.1 Творчество А.И. Солженицына и особенности стиля повести «Один день Ивана Денисовича»

Александр Исаевич Солженицын (по отцу – Исаакиевич) известен всему миру как автор таких художественных и публицистических произведений, как «В круге первом», «Раковый корпус», «Один день Ивана Денисовича», «Бодался теленок с дубом», «На Западе» и многих других. Его стиль определяют как художественно–публицистический. К тому же, Александр Исаевич является лауреатом Нобелевской премии (1970) и относится к числу людей с четко обозначенной гражданской позицией. Его трехтомное произведение «Архипелаг ГУЛАГ» является опытом художественного исследования советской лагерно-тюремной системы, которая ранее никем не обсуждалась. Своим творчеством писатель внес ощутимый вклад в развитие русской литературы. В настоящем разделе будет рассмотрена часть его биографии, относящаяся к пребыванию в лагерях.

Родился Александр Исаевич 11 декабря 1918 года в Кисловодске, умер 3 августа 2008 года в Москве. Писатель окончил физико-математический факультет Ростовского университета. Прошел Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. и отбывал срок в советских тюрьмах и лагерях в течение восьми лет [Лейдерман, 2003: 260].

Александр Исаевич был арестован 9 февраля 1945 года за резкие отзывы об И.В. Сталине в переписке со своим старым другом

Н.Д. Виткевичем. Как известно, И.В. Сталин в переписке фигурировал под условной кличкой «Пахан», взятой из воровского жаргона [Копелиович, 2013]. С осуждением на восемь лет исправительно-трудовых лагерей 7 июля 1945 года начались скитания писателя: город Щербаков (Рыбинск; сентябрь 1946 – февраль 1947), Загорск (Сергиев Посад; март – июнь 1947). В июле 1947 года был переведен в Марфино, с января 1948 – спецтюрьма МГБ, обитатели которой воссозданы в романе «В круге первом» (1955–1968). Далее, 19 мая 1950 года А.И. Солженицын отправлен в Особый лагерь в город Экибастуз Северного Казахстана, описанный им в рассказе «Один день Ивана Денисовича» (1959). Здесь он был каменщиком, литейщиком, чернорабочим. Дальнейшие годы оказались еще сложнее для А.И. Солженицына: он заболевает раком, в 1951 жена разводится с ним и выходит замуж за другого. Затем, 12 февраля 1952 года у А.И. Солженицына была удалена злокачественная опухоль, но вскоре болезнь возобновилась. В 1954 и 1955 годах, находясь уже в «вечной ссылке» в селение Коктерек в Южном Казахстане, Александр Исаевич проводит несколько месяцев в ташкентской больнице, рак отступает. Полученные впечатления от пребывания в этой больнице служат основой рассказа «Правая кисть» (1960) и повести «Раковый корпус» (1963–1967). И только в апреле 1956 А.И. Солженицына освобождают. В октябре 1962 под личным давлением Н.С. Хрущева Политбюро ЦК КПСС приняло решение о публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича» – тогда он назывался «Щ–854. (Один день одного зэка)» (Новый мир. 1962. № 11)» [Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии, 2007: 5–7].

Героем рассказа «Один день Ивана Денисовича» выступает «простой советский человек». В воспоминаниях самого писателя звучит фраза, объясняющая замысел повести и её название: «Достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра до вечера» [Солженицын 1976; цит. по: Лейдерман, 2003: 263]. Исследователи Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий описывают характер главного героя, как

разомкнутый и противоречивый. Это «свой» житель ГУЛАГа, Иван Денисович обжился и изучил неписанный лагерный закон, и, хоть герой сохранил честь и достоинство, система нравственных координат у него заметно сдвинулась. Например, в тексте прослеживается положительное отношение главного героя к труду: «Такая пошла работа – недосуг носу утереть...» «Эх, глаз – ватерпас! Ровно! Еще рука не старится». Трудовой энтузиазм Шухова исследователи называют «трагифарсовым энтузиазмом», так как работа лагерников служит сохранению ГУЛАГа и его дальнейшей тирании над людьми [Лейдерман, 2003: 265].

Стоит отметить и нейтральный тон повествования. А.И. Солженицын описывает бараки, *«столовки», многочисленные истязания и унижения. Завершая повесть, автор добавляет, что день, по мнению Шухова, «почти счастливый»* (Солженицын, 1968. URL: goo.gl/BLpssi). Таким образом, создается контраст между тем, что чувствует главный герой и видит читатель. Еще более усилить контраст помогает последующая фраза: *«Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три»* (Там же). Как пишет по этому поводу Н.Л. Лейдерман, такие нейтральные и констатирующие фразы служат писателю для выражения абсурдности всего происходящего и пониманию характера «простого советского человека, доброго, сердечного, работающего, притерпевшегося к аду» [Лейдерман 2003: 265]. Сам же А.И. Солженицын комментирует свой замысел так: «...и даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы» [Солженицын, 1995: 3].

Исследователь творчества А.И. Солженицына Елена Михайлик и вовсе доказывает, что писатель в «Одном дне» изобрел «новую модель языка», для чего пренебрег точностью лагерной речи. Например, ввел в речевой оборот слово «зэк», хотя на подлинном лагерном диалекте было: «зэ/ка», «зык». Целью писателя, считает исследователь, было не просто рассказать о лагере, но и «начать внутри этой смысловой зоны разговор о том, чем было и чем

стало послереволюционное общество – и чем оно должно бы было стать в норме, если бы не сбилось с курса» [Михайлик, 2014: 289].

Таким образом, в своем творчестве А.И. Солженицын дал систематический обзор преступлений правящего режима: историю трех волн массовых репрессий, обзор карательных учреждений, рабское использование труда заключенных, уничтожения их воли. Все это было воспроизведено на основании 227 свидетельств бывших заключенных ГУЛАГа, разговоров с разными людьми и собственном опыте.

1.1.2 Творчество В.Т. Шаламова в период создания «Колымских рассказов»

Варлам Тихонович Шаламов наименее изученный автор, чем Александр Исаевич Солженицын. Тем не менее, его творческое наследие насчитывает шесть сборников «Колымских рассказов», стихотворения, собранные в книгу «Колымские тетради», автобиографическую повесть «Четвертая Вологда», книгу «Воспоминания», эссе, дневники. Все это представляет богатый материал для исследований. Творчеством Варлама Шаламова занимаются не только филологи, но и философы, психологи, историки, в изучении его писательского феномена заинтересован круг исследователей за рубежом. Мы в данном разделе обратимся к отрезку жизни В.Т. Шаламова в период его заключения, так как именно в лагере к нему пришел замысел «Колымских рассказов», и именно там в полной мере происходило формирование его писательской личности.

Родился Варлам Шаламов 5 июня 1907 года в городе Вологда, умер 17 января 1982 года в Москве. Впервые Варлама Тихоновича арестовали 19 февраля 1929 года при оцеплении подпольной типографии, в которой печатались листовки под названием «Завещание Ленина». Писатель получил за это три года как «социально–опасный элемент». Возвращается в Москву В.Т. Шаламов в 1932 году. На свободе он проводит пять лет, женится, пишет

стихи и активно печатается. Но 13 января 1937 его вновь арестовывают. Как пишет он сам: *«С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой социальной группы – всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить...»* (Шаламов, 1964. URL: goo.gl/koa6RY). Изначально В.Т. Шаламову присуждается пять лет исправительно–трудовых лагерей с использованием тяжелых работ. Однако в последующие годы по доносу солагерников, виной которому «антисоветские высказывания» и похвала И.А. Бунина, писатель получает еще 10 лет лагерей [Там же].

За время заключения Варлам Шаламов работает землекопом, кипятильщиком, помощником топографа, в золотодобывающих и угольных забоях, лесорубом, в шахте, затем становится фельдшером, где вновь может писать стихи «на обороте старых рецептурных книг, на полосках оберточной бумаги, на каких–то кульках» [Там же]. В 1951 году заканчивается срок заключения и, заработав денег на отъезд с Колымы, в 1953 году Варлам Шаламов возвращается в Москву.

Над «Колымскими рассказами» В.Т. Шаламов работал около 20 лет (с 1954 до начала 1970–х годов). На всю жизнь он сохранил верность теме лагеря, как символу террора и насилия. «Я пишу не для того, чтобы описанное не повторилось», – говорит он в одной записи от 1966 года [Шаламов 1966; цит. по: Тун-Хоэнштайн, 2007: 35]. Варлам Тихонович пишет о лагере, в первую очередь, потому, что был очевидцем этих событий. По его мнению, «писатель должен быть участником жизненной драмы, но «не в одеянии писателя» [Там же]. Н.Л. Лейдерман, описывая личность В.Т. Шаламова, также указывает на документальность творчества, «выстраданность того, о чем он пишет». Но, тем не менее, Н.Л. Лейдерман отмечает и пренебрежение фактами, «вольное толкование Шаламовым некоторых событий» [Лейдерман, 2003: 317].

Лагерный опыт изменил личность В.Т. Шаламова, он больше не мог так, как раньше, воспринимать социальные и, особенно, семейные связи.

Брак и семья стали представляться писателю чем–то отягощающим. Как он сам утверждал: «одинокость – это оптимальное состояние человека». «Идеальная цифра – единица. Помощь единице оказывает Бог, идея, вера» [Шаламов, 2005: 152]. Таких взглядов придерживался писатель после пребывания в лагерях, поэтому в его рассказах практически не фигурируют женщины и отсутствуют описания любовных линий.

Писателем была введена метафора «лагеря – острова». Дело в том, что Колыма – лагерь, практически полностью отрезанный от внешнего мира. Температура зимой достигала там 60 градусов по Цельсию, что делало побег практически невозможным. Климат и тяжелые условия работы приводили к частой смерти заключенных. Как пишет по этому поводу исследовательница Тун-Хоэнштайн, «после 1945 г. в лагерях появилось выражение «Освенцим без печей». Слово «Колыма» стало символом Гулага» [Тун-Хоэнштайн, 2007: 36]. Сам В.Т. Шаламов многократно находился при смерти, трижды попадал в больницу [Там же].

Таким образом, лагерь образует свое пространство, находящееся отдельно от внешнего мира. В.Т. Шаламов описывает уклад жизни, порядки и иерархию в таком пространстве. Для воссоздания обстановки Колымы автор, как пишет Н.Л. Лейдерман, использует художественную деталь, находящую выражение в гиперболе, гротеске, сравнении [Лейдерман, 2003: 319].

Главные герои «Колымских рассказов» меняются: Андреев, Глебов, Дугаев, Ручкин, «Я». Объединяет их только одно – все представляют тип «обыкновенного, нормального человека» [Там же]. Как отмечают исследователи, шаламовского героя отличает поиск истины, желание узнать «почему» это происходит с ним, и что происходит в стране. Еще одна характеристика, присущая главному герою, – желание выжить, не дать себя раздавить ни морально, ни физически [Там же]. Таким образом, приходим к выводу, что шаламовский герой – это герой мыслящий и сопротивляющийся. Исследователи отмечают, что главной формой сопротивления является

ненависть. Также героям присуща злоба, страх или, напротив, «бесстрашие-равнодушие» [Там же].

Писатель сталкивает в своих рассказах «высокую» классическую культуру и другую культуру – «низкую», в которой представлен мир Колымы со всеми натуралистическими подробностями. Этот прием помогает ему представить лагерь, как «глумление над общечеловеческими ценностями», передающимися от цивилизации к цивилизации. Культура также не выдерживает испытания Колымой и выглядит как «сказки художественной литературы» [Лейдерман, 2003: 331, 332].

Итак, главная тема и главный вопрос творчества Варлама Тихоновича, как было отмечено им самим, такова: «Разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени?» [Шаламов 1965; цит. по: Лейдерман, 2003: 332]. Из этого следует, что актуальной проблемой В.Т. Шаламова, нашедшей свое выражение в «Колымских рассказах», была борьба человека с «государственной машиной» – порождением тоталитарной системы, с помощью её осмысления и описания.

1.1.3 Роман Захара Прилепина в контексте русской тюремно-лагерной прозы XX века: «Обитель» как новый взгляд на систему лагерей

Захар Прилепин (настоящее имя – Евгений Николаевич Прилепин); родился 7 июля 1975 года. Имя Захар писатель взял в память прадеда, отбывавшего срок на Соловках [Морозова, 2014]. За свою книгу «Обитель» Захар Прилепин получил в 2014 году ряд премий: «Книга года», «Книжная премия Рунета-2014». Особенно значима здесь «Большая книга». В 2015 году писатель стал победителем IV конкурса «Ревизор – 2015» в номинации «Выбор покупателя» [Прилепин. URL: goo.gl/i6R0lv]. Таким образом, роман был признан критиками и активно приобретался покупателями.

Как утверждает сам З. Прилепин, «роман «Обитель» получился совсем случайно» [Прилепин. URL: goo.gl/TcJRHC]. З. Прилепин приехал на Соловки с целью снимать материалы для фильма. Уже находясь там, писатель заинтересовался историческими документами о лагере. Ознакомившись с ними и поговорив с женщиной, которая работала на Соловках в течение двадцати лет, писатель сформировал такое мнение: «Советский мир не делится на палачей и жертв, все намного сложнее». Более того, З. Прилепин утверждал в одном из своих выступлений, что предыдущие писатели, за неимением полной информации, допускали неточности в своих книгах. Как пишет он сам: «У них есть ошибки, сведения, которые не подтверждаются. Есть такие, причем достаточно серьезные, и у Александра Солженицына, и у Дмитрия Лихачева» [Там же]. Таким образом, З. Прилепин решил написать книгу не с точки зрения заключенного, сколько с точки зрения тех людей, которые не писали о жизни в лагере.

Знакомство с первоисточниками и, стоит отметить, филологическое образование (Захар Прилепин окончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского) помогли ему написать роман, как отмечает исследователь А.О. Большев, «с основательной оглядкой на топику и аксиологию русской тюремно–лагерной прозы второй половины XX века» [Большев, 2016: 129].

Но произведение писателя, живущего в двадцать первом веке, не может не отличаться от творчества его предшественников. Как пишет по этому поводу Александр Котюсов в своей критической статье «Изображая правду»: «Для нынешней молодежи Александр Исаевич – явление из позапрошлого тысячелетия». «Консервативно. Академично, – пишет исследователь, – а сегодня надо жить быстро» [Котюсов, 2014]. Таким образом, автор статьи полагает, что прилепинский «Обитель» – и есть произведение о лагерях двадцатого века, способное заинтересовать современных читателей. Однако А. Котюсов не отрицает очевидные расхождения, допущенные писателем во времени и датах, вольное цитирование исторических документов. К тому же, герои романа иногда произносят слова, появившиеся только через несколько

десятилетий после описываемых событий. Например, «новояз» или «журчеек». Названные факты позволяют автору статьи сделать вывод: «Роман «Обитель» – псевдоисторический» [Там же].

Отношение к советской власти у З. Прилепина также претерпевает изменения. А. Котюсов, продолжая называть слабые, по его мнению, стороны романа, пишет: «Нам пытаются внушить, что Соловки перевоспитывают преступника... В романе потерян совсем тезис о том, что двадцатые годы заложили основу сталинских лагерей, в которых уничтожались лучшие люди страны» [Там же]. В «Обители» практически нет положительных персонажей: «фитили», «леопарды», «батюшка-побирушка». «Восхищенно», как отмечает А. Котюсов, Захар Прилепин описывает только начальника лагеря Эйхманиса. Все описываемые факты и расхождения, таким образом, сглаживают трагическую историческую действительность и приукрашивают соловецкую жизнь. Завершая статью, автор утверждает невозможность замены А.И. Солженицына на З. Прилепина, так как их произведения принадлежат к разным весовым категориям [Там же].

Исследователь А.О. Большев так же подчеркивает, что предельно здравомыслящий человек в романе представлен только в лице начальника лагеря Эйхманиса [Большев, 2016: 132]. Более того, в тексте З. Прилепина, в отличие от предшествующей литературы о лагерях, отсутствуют, например, «большевики-коминтерновцы с горящими глазами, мечтающие о торжестве Мировой революции и всеобщем братстве народов и людей» [Там же]. Персонажей, подобных Льву Рубину («В круге первом» А.И. Солженицына), здесь нет. Таким образом, отношение автора к персонажам резко отличает его от литературных предшественников В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына. Однако А.О. Большев называет и некоторые сходные черты, присущие «Обители» и «Колымским рассказам». Если у В.Т. Шаламова главным объектом исследования была подлинная человеческая сущность, обнажившаяся под влиянием лагеря, то у Захара Прилепина с самого начала истинные свойства личности, так называемые «врожденные чувства»,

противопоставляются наносным, поверхностным чертам и свойствам – «представлениям», которые исчезают, когда наступает «сытость и тепло» [Там же]. Но в отличие от В.Т. Шаламова у З. Прилепина герой не трансформируется в конце повествования в дикого зверя, а утрачивает свою идентичность [Большев, 2016: 133].

Приходим к выводу, что роман Захара Прилепина отличается от предшествующих произведений о лагерях, в первую очередь, отношением к персонажам, манерой изложения и главным посылом. Однако нельзя отрицать факт, что книги о лагерях XX века были знакомы З. Прилепину и могли оказывать на него влияние.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе было проделано реферативное исследование материала, необходимого для понимания личностей заявленных писателей и феномена лагерной прозы. Были рассмотрены ключевые произведения каторжной прозы, представленные именами Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н Толстого, – так как именно от них берет начало литературная традиция лагерной прозы.

Был сделан вывод относительно влияния заключения на жизнь А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова. Оба писателя занимались в лагере тяжелой физической работой, несколько раз находились в состоянии, близком к смертельному. В особенности, стоит отметить сильное воздействие лагеря на личность Варлама Тихоновича: писатель стал замкнут, не мог, как ранее воспринимать семейные и социальные связи. Что касалось Захара Прилепина – его роман вызвал разную реакцию среди критиков, его обвиняли в вольном истолковании фактов, но в то же время отмечали, что «Обитель» ближе современному читателю, чем творчество А.И. Солженицына.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ

Изучение языковой личности писателя следует начать, прежде всего, с характеристики понятий «картина мира», «языковая картина мира». Для понимания термина «картины мира» необходимо обратиться к его возникновению. Как утверждает в своей работе Н.Н. Гончарова, понятие «картины мира» связано с развитием физики на рубеже XIX–XX веков [Гончарова, 2012: 396].

Исследователь М.А. Серегина пишет, что в 1918 году одним из первых этот термин употребил Г. Герц. Термин «картины мира» трактовался ученым как «Совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [Серегина, 2007:55].

Но введено в употребление понятие картины мира было Людвигом Витгенштейном в его «Логико–философском трактате», где обозначало системы образов, взаимосвязано отражающих всю совокупность достигнутых наукой результатов. С началом 60–х годов прошлого века понятие картины мира стало рассматриваться семиотикой в трудах Лео Вайсгербера при исследовании первичных моделирующих и вторичных систем языка, например, религии, мифа, фольклора, живописи и кино [Гончарова, 2012: 396].

Основоположниками учения о языковой картине мира считаются немецкие ученые В. Гумбольдт и И. Гердер. В своих работах И. Гердер пишет о языке как о «зеркале народа». Значительное место в изучении картины мира занимают труды Вильгельма вон Гумбольдта. Ученый и его последователи считают, что в языке проявляется деятельность «духа народа», скрыты особое мировоззрение и специфический способ мышления. Как пишет сам В. Гумбольдт: «Особенность духа и строение языка какого–либо народа, так между собой внутренне связаны, что если бы одно из них было

дано, второе должно быть из него выведено. Язык является также внешним проявлением духа народов. Язык – это их дух, а их дух – это их язык. Никогда не удастся в достаточной степени выразить их идентичность» [Гумбольдт, 1984: 147].

На современном этапе развития понятия картины мира выделяются монографии ученых таких как: Ю.Д. Апресян (1995), Н.Д. Арутюнова (1999), Т.В. Булыгина (1981), Ю.Н. Караулов (1987), Е.С. Кубрякова (2001), Д.С. Лихачев (1993), В.И. Постовалова (1999), Ю.С. Степанов (1997), А.Д. Шмелев (2002).

Лингвисты дают множество определений языковой картине мира. Например, согласно А.К. Брутяну: «Языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых, разговорных языков, главное в ней – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» [Брутян, 1973 107–114].

Лингвист Ю.Н. Караулов говорит о языковой картине мира, как о совокупности всего концептуального содержания данного языка [Караулов, 1976: 356].

Следуя за Ю.Д. Апресяном, языковую картину мира можно определить как: «Отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира» [Апресян, 1995: 39; цит. по: Соседовой, 2013: 277]. «То есть – как объясняет определение сама Соседова – это те инструменты, которые конкретный язык предлагает говорящему для описания действительности и которые могут варьироваться в зависимости от языка» [Там же].

Лингвист Н.Ю. Шведова определяет ЯКМ как: «Выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека... во-вторых, все то, что его окружает...» [Шведова, 1999: 15].

Согласно трактовке Н.Н. Гончаровой картина мира представляет: «Ментально–лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» [Гончарова, 2012: 400].

Мы в своем исследовании будем отталкиваться от определения Б.А. Серебренникова, который под языковой картиной мира понимает «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение мира и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Серебренников 1990: 33;цит. по: Емельянова, 2015: 156].

Проблема изучения языковой картины мира и на сегодняшний день продолжает оставаться актуальной. В современном языкознании обращение к данному вопросу прослеживается в трудах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, работах Д.Н. Шмелева, в исследованиях концептосферы языка, которыми занимаются Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и другие. А также в изучении отдельных языковых концептов, ими занимаются ученые: А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, С.Р. Габдуллина, В.Б. Гольдберг, А.А. Залевская, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Н.А. Красавский, О.А. Ланская, И.А. Стернин и другие.

Итак, на основании приведенных выше определений, делаем вывод, что языковая картина мира – это переработанная в языке и зафиксированная в сознании человека информация об окружающей действительности.

Разобравшись с понятием языковой картины мира, можно перейти к конкретно языковой картине мира писателя. ЯКМ писателя современный лингвист К.А. Кочнова определяет как: «Индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания автора» [Кочнова, 2015: 1]. Ключом к исследованию писательской ЯКМ исследовательница называет анализ его индивидуальной авторской языковой системы, в которой прослеживается специфика его художественного видения мира.

Исследователь К.А. Кочнова выделяет два принципиально отличающихся подхода к изучению авторской картины мира:

1. Первый подход характеризуется выделением в языке писателя так называемых «экспрессем» (эстетических знаков), внимание исследователей в таком случае устремлено к форме, выявлению языковых средств и приемов их использования, языковому мастерству писателя.

2. Согласно второму подходу необходимо изучать язык писателя не выборочно, а в полном объеме. Такой подход дает возможность получить полное представление о ЯКМ писателя [Там же].

Итак, для понимания языковой картины мира писателя необходимо исходить из анализа используемой им индивидуальной языковой системы, наличия в ней ключевых слов, речь о которых пойдет в следующих разделах.

2.1 Ключевые слова

За пониманием термина «ключевые слова» обратимся к словарю русского языка под редакцией М.Н. Кожиной: «Это слова, выражающие главную идею целого художественного текста». Ключевые слова иногда выносятся в название художественного произведения, например, «Обрыв» И.А. Гончарова, или «Гроза» А.Н. Островского. Они связаны с действующими лицами и пейзажем, а также способны создавать внутреннее единство лексической системы произведений, становясь основным элементом его композиционного построения [Кожина, 2003. URL: goo.gl/mHS0oX (дата обращения 01.06.2017)].

О ключевых словах, несущих информацию о русском человеке, пишет А.Д. Шмелев в книге «Ключевые слова русской языковой картины мира». По его мнению, лексическая единица может считаться «ключевой», если служит своего рода ключом к пониманию культуры и мировоззрения народа. Лингвист называет такие лексические пары, несущие информацию о русском

характере, как «правда» и «истина», «долг» и «обязанность», и что представляет интерес для данной работы, «свобода» и «воля» [Шмелев, 2005: 17, 25].

2.2 Языковая личность

Если картина мира – это отражение реального мира в человеческом сознании, то языковая картина мира – это информация, переработанная и зафиксированная в языке. Из этого следует, что особенности языковой картины мира обусловлены языком, а носителем выступает языковая личность, то есть человек, существующий в языковом пространстве.

«Языковая личность – пишет лингвист Ю.Н. Караулов – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1989: 3].

Далее Ю.Н. Караулов выделяет трехуровневую структуру (нулевой, первый и второй уровни), свойственную языковой личности:

Вербально-семантический уровень, где единицы это слова и грамматические модели. На этом уровне подразумевается вычленение отличительной части в общей картине мира. Наличествует определенная доминанта, обозначенная национальными, культурными традициями и общественной идеологии. На её фоне можно выделить вариативную часть, свойственную какой-либо личности. Данная вариативная часть будет различной для каждой отдельно рассматриваемой языковой личности.

Лингво-когнитивный, единицы – понятия, концепты, идеи, идеологические стереотипы, мировоззренческие установки, образующие картину мира данной личности. На данном уровне можно выявить в речевых актах модальную окрашенность.

Мотивационный уровень – мотивы речевого поведения и деятельностно- коммуникативные потребности. Именно второй уровень

является движущей силой процесса создания литературного произведения. [Там же].

Итак, отталкиваясь от данной структуры, сочинский лингвист Т.В. Киреева провела анализ языковой личности А.И. Солженицына. Как пишет Т.В. Киреева, по мнению В.В. Устименко, на творчество писателя, помимо таланта повлияли три важных фактора:

- 1) участие в войне 1941–1945 гг.;
- 2) подъем национального самосознания, направленного против тоталитарной системы, создавшей концентрационные лагеря, где писатель отбывал свое «наказание»;
- 3) смерть И. Сталина, вызвавшая постепенный распад этой системы и поиски писателями естественной, праведной жизни России [Устименко 1998: 19; цит. по: Киреевой, 2007: 75].

Уже в названиях произведений А.И. Солженицына четко выражены авторские суждения и хронотоп, таких как, «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ».

К стиливым особенностям речи писателя исследователи относят использование лагерного жаргона, несобственно–прямой речи и сказа, а к особенностям поэтики – использование уже существующих канонических жанров для создания качественной прозы и неканонических для новой качественной прозы [Киреева, 2007: 76].

Чтобы рассмотреть функционирование стиливых особенностей в творчестве писателя, приводится исследование его романа «Архипелаг ГУЛАГ». Как известно, данное произведение А.И. Солженицына представляет синтез документального и художественно осмысленного автором текста. Как комментирует сам писатель: «Здесь либо прямое цитирование, либо переработка в художественную ткань повествования» [Солженицын, 1997: 175]. При этом воспоминания бывших узников ГУЛАГа представлены в тексте авторским пересказом, когда речь лиц, находящихся «за лагерной проволокой» – это в основном цитаты. Таким образом, проведя анализ

цитирования в романе «Архипелаг ГУЛАГ», Т.О. Осипова пишет о таком впечатлении: «Писатель просто не в силах передать логику мышления людей, ввергнувших свой народ в пучину страданий» [Осипова, 1998: 40].

В работе Т.В. Киреевой также приводится анализ Л.С. Шириной, сделанный на материале «Знают истину танки!». К стилистическим фигурам, А.И. Солженицына исследователь относит: «Номинативные предложения, фигуры повтора: анафору и эпифору, эллипсис, асиндетон, градацию и другие». Каждый из этих приемов акцентирует и усиливает зрительское внимание, создает фотографический эффект, позволяет расширить рамки внимания, поразить неожиданностью, сформировать желаемое для автора оценочное восприятие материала [Ширина 1998: 47; цит. по Киреевой 2007: 79–80].

Таким образом исследователями была охарактеризована языковая личность А.И. Солженицына. Мы делаем вывод, что автор пишет в основном от лица и с позиции заключенных. А.И. Солженицын имеет свою четкую позицию относительно лагерей, так как сам находился в статусе заключенного. На создание его произведений повлияло желание сказать людям свою правду о тоталитарном режиме. Выразить мнение писателю помогает специально подобранная лексика, цитирование, стилистические фигуры.

За пониманием языковой личности Варлама Шаламова мы обратимся к исследованию М.А. Эльзенбаха. Материалом исследования послужили рассказы из сборника «Колымских рассказов» «Апостол Павел» и «Дождь». Анализ отбора лексических средств в рассказах способствует выводу автора о деформации мира Колымы. Об этом свидетельствует хронотоп: герои ограничены не только в пространстве, они замкнуты внутренне. Лагерь отдаляет заключенных от «прошлой жизни», искажает их человеческие качества и представления о добре и зле. В.Т. Шаламов использует мотив половины: делит повествование на две части, разграничивая «ту» жизнь и «нынешнюю». Время в «настоящем» героев не определено, что делает

будущее героев неизвестным. Таким образом, автор статьи заключает, что все герои В.Т. Шаламова объединяет «слабость физическая и духовная, искаженный образ мыслей», а «основные мотивы рассказов – мотив жизни и смерти, мотив свободы и несвободы, мотив одиночества». К особенностям композиции рассказов исследователь относит «зеркальность, которая подчеркивает иллюзорность, противоестественность мира» [Эльзенбах, 2012: 224–225].

Изучив работу М.А. Эльзенбаха, приходим к выводу: заключенные В.Т. Шаламова показаны подвергнувшимися ограничениям, отсутствием веры, скованные страхом. В создании образов автору помогают повторяющиеся мотивы свободы и несвободы, смерти и одиночества, а также хронотоп и зеркальная композиция.

В изучении языковой личности Захара Прилепина мы будем отталкиваться от исследования московских ученых А.Б. Славиной и Т.А. Пономаревой, изучивших художественный мир автора на примере романов «Грех», «Санька», «Обитель». Как отмечают авторы статьи: «Лагерная жизнь не пропущена Прилепиным через собственную жизнь». В создании романов писатель использует большой процент отрицательных частиц НИ, НЕ в финальных предложениях, отрицательные синтаксические конструкции преобладают в исследуемых произведениях. Во фразах: «Слышится и одиночество, и стремление убежать или уехать, и пустота с чернотой, наполненные смертью» [Славина, 2016: 179–181]. В «Обители» Захар Прилепин создает ирреальное пространство – соловецкий лагерь отделен от внешнего мира и определяется автором как страна для «экспериментов» над людьми, «черная дыра», «ветхозаветный кит». Исследователи полагают, что за счет таких приемов, как движение «от реального пространства к метафизическому» и «переключение топосов». романы становятся «многомерными и полифоническими» [Там же]. Проза З. Прилепина отличается описанием жестоких сцен. «Писатель тщательно и достоверно описывает насилие и физические страдания своих героев».

Выделяют исследователи и такие сильные позиции текста З. Прилепина, как заглавие и финальная строка [Там же].

Тем самым, приходим к выводу, что Захару Прилепину – как языковой личности в «Обителе» свойственно употребление изобразительно–выразительных средств, обилие жестоких сцен и их тщательное описание, стилевая разнородность, замкнутый хронотоп.

2.3 Лексико-семантическое поле

Если язык человека является многоуровневой системой, в которой все компоненты подчинены логике лексико-семантических законов, то помимо языковой личности и ключевых слов писателя, необходимо рассмотреть и понятие семантического поля.

В первую очередь, обозначим, что мы понимаем под понятием «поля». По словарю В.Н. Ярцевой: «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 382].

Исследователь Е.А. Гутина пишет об изучении лексико-семантических полей (далее – ЛСП) в художественной системе писателя, как о способе раскрытия его индивидуальной языковой картины мира в полном объеме [Гутина, 1997: 4]. О системности словаря писателя одним из первых говорил Л.В. Щерба: «Словарь того или другого писателя...представляет собой систему» [Щерба 1974: 58; цит. по: Халитова, 2000: 4]. Другой лингвист Б.А.Ларин также подчеркивал необходимость изучения лексики писателя в системе [Там же]. Или же В.В. Виноградов утверждал, что: «Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его

содержанием и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [Виноградов, 1980: 85].

Начало исследований семантических полей в лингвистике заложил еще немецкий филолог Йост Трир. Под понятийным семантическим полем ученый понимал внутреннее устройство определенной сферы или круга понятий. Семантическая теория Й. Трира предполагала параллелизм между планом понятийного содержания и языкового выражения. Итак, в основе членения словарного состава языка, по мнению Й. Трира, лежат так называемые понятийные поля, которым соответствуют лексические поля, образующие лексические единицы [Трир, 1931:55–57]. Для Л. Вайсгербера словесные поля подразделялись на однослойные и многослойные. Оба лингвиста полагали, что значение слова не может быть правильно описано без обращения к лексическим единицам, входящим в состав того же семантического поля [Вайсгербер, 1993: 126].

На сегодняшний день в языкознании не существует строгих границ применения термина семантического поля. Им часто обозначаются разные объединения слов. Тем не менее, Ю.М. Караулов в книге «Общая русская идеография» предлагает разделить сферы словарного состава на семантические поля, включающие тематические, лексико-семантические и ономаσιологические группы [Караулов, 1976: 314].

По мнению еще одного исследователя Л.М. Васильева, слова, объединенные одной лексико-семантической группой, имеют общий для всех семантический признак, связывающий их [Васильев, 1971: 105–113].

Стоит отметить существование ряда экспериментов, доказывающих существования иерархической системы во внутреннем лексиконе человека, в основе которой семантические категории. Вопросы организации лексикона человека в своей книге рассматривает А.А. Залевская. Далее к полевой организации языковых единиц обращалась лингвист И.М. Кобозева, ей были названы основные свойства ЛСП, в своей работе это цитирует исследователь И.М. Шеина:

1. «Наличие семантических отношений между составляющими его словами;
2. Системный характер этих отношений;
3. Взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц;
4. Относительная автономность поля;
5. Непрерывность обозначения его смыслового пространства;
6. Взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы» [Залевская 1968: 21; цит. по: Шеина, 2010: 70].

Еще одним лингвистом были выделены типы структур в семантических полях. Ч. Филлмор называет такие: контрастивные множества, таксономические структуры, отношения партономии, циклы, цепи (группы слов с разными отношениями), сети (например, отношения родства) и фрейм – наиболее универсальный тип отношений [Филлмор, 1983: 23–49]. Приведенная классификация в некоторых пунктах сходна с идеями Московской семантической школы.

Московская семантическая школа (далее – МСШ) представлена именами ученых Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, И.А. Мельчук, И.М. Богуславский, О.Ю. Богуславская, Л.Н. Иорданская, И.Б. Левонтина, В. З. Санников, Е.В. Урысон и другие.

Далее обратимся к тому, как трактуют понятие ЛСП разные ученые.

Например, И.М. Кобозева пишет, что СП – «это совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000: 99].

Другой исследователь, А.А. Уфимцева называет СП «Структурами конкретного языка с учетом его национального и культурного своеобразия» [Уфимцева, 1988: 138].

Лингвист И.М. Шеина в 2010 году опубликовала работу, где ЛСП определялось, как: «Совокупность значений, каждое из которых получает в

языке воплощение на уровне лексико-семантического варианта лексемы» [Шейна, 2010: 70].

Итак, ЛСП представляет лексические единицы, связанные между собой структурными отношениями. Поле имеет структуру ядро-периферия, для которой, как отмечает Ю.Н. Караулов, характерна «максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков на периферии» [Караулов, 1976: 4]. Все лексические единицы поля находятся в разного рода семантических отношениях, характер которых варьируется в связи с исследуемой группой слов и их отношению к ядру.

На сегодняшний день в лингвистике главным предметом исследования в теории поля являются лексические единицы, объединенные общностью значения. Язык в полевой модели представляется системой подсистем. Как пишет в своей работе современный лингвист А.К. Башарина, процесс полевого структурирования позволяет выявить «особенности языкового сознания, его национально-специфические черты» [Башарина, 2007: 96].

Еще один современный исследователь К.А. Кочнова, опубликовавшая работу о ЛСП в 2015 году, пишет, что при анализе полевых структур важно учитывать контекст, так как ЛСП раскрываются в тексте, где синтагматическая часть изучаемого поля выделяется в ходе контекстологического анализа [Кочнова, 2015: 128]. Также исследовательница указывает на необходимость учитывать следующие типы сем при изучении картины мира писателя:

1. Потенциальные (отражающие второстепенные признаки предмета);
2. Оказиональные (отступление от общепринятого значения);
3. Яркие и слабые (то есть легко и нелегко осмысляемые);
4. Неактуализированные;
5. Эмосемы (совмещающие в себе эмоцию и оценку). Такие, как отмечает автор, несут информацию о ценностных ориентирах личности [Там же].

Таким образом, приходим к выводу, что изучение языковой картины мира писателя необходимо проводить, анализируя авторские ЛСП. Такое исследование позволит сформировать представление об индивидуальной речевой системе писателя в анализируемом фрагменте, его художественных представлениях и мировоззрении.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Во второй главе были рассмотрены ключевые для данной работы понятия. Были представлены различные точки зрения лингвистов на определения, для себя же мы выделили такие.

Вслед за Б.А. Серебренниковым мы понимаем языковую картину мира как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение мира и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Серебренников 1990: 33; цит. по: Емельянова, 2015: 156].

Языковая личность понимается нами, как и Ю.Н. Карауловым, в качестве «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989: 3].

Под ключевыми словами мы подразумеваем «слова, выражающие главную идею целого художественного текста» [Кожина, 2003].

Под понятийным семантическом полем, как и Йост Трир мы видим «внутреннее устройство определенной сферы или круга понятий» [Трир, 1931:55–57].

Семантическое поле вслед за И.М. Кобозевой представляется нам как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000: 99].

ГЛАВА 3. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ВХОДЯЩИЕ В ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ «ЛАГЕРЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА, В.Т. ШАЛАМОВА И З. ПРИЛЕПИНА

3.1 Ключевые слова «свобода» и «воля»

Для анализа были выделены лексемы *свобода*, *воля*, *труд*, *работа* и их лексические дериваты, также были взяты лексемы *лагерник*, *заключенный*, *зэк* и *лагерь*.

3. 1.1 Слова «свобода», «воля» в русском языковом сознании

Выше уже отмечалось, что *свобода* и *воля* являются ключевыми словами в русском языковом сознании. В современных словарях русского языка встречаются схожие толкования названных слов, но некоторые лингвисты отрицают синонимичность данных понятий. О том, что *свобода* и *воля* – разные понятия в русском языке, пишет А.Д. Шмелев и приводит в доказательство несколько их отличий. Например, приводит автор цитату Д.С. Лихачева («Заметки о русском»): «Чем отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» [Лихачев 1984: 422; цит. по: Шмелев, 2002: 70]. Из этого следует, что воля в русском сознании ассоциируется с простором или широким пространством больше, чем свобода.

Расхождение понятия свободы и воли можно увидеть уже в архаичной модели мира, где *мир* соответствует привычной норме, а воля является непредсказуемым отклонением от нормы. А.Д. Шмелев в данном случае истолковывает понятие *мир* как *порядок*, *миропорядок*, образцом которого является община. Общинная жизнь предполагает строгий регламент, покинуть который обозначает «*вырваться на волю*». Здесь можно увидеть коренное отличие: «*свобода* предполагает как раз порядок», то есть

связывается в архаичном мире не с волей, а с *миром* [Шмелев, 2002: 72]. Из этого следует: свобода связывается с правопорядком, нормой, законностью, в то время как воля никак не связана с правом, она не имеет границ.

Слова *воля* и *свобода* противопоставляются. Как утверждает А.Д. Шмелев, слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей, что-то внешнее и постороннее. Характерно, что в таком значении слово *воля* могло употребляться только самими заключенными или людьми, принимающими «их точку зрения». Подлинной свободы на воле, напротив, – нет. Для доказательства А.Д. Шмелев приводит такие отрывки: «Неужели в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?», «Ну хотя бы в каторжном лагере надеются они обрести свободу, отсутствующую на воле» [Шмелев, 2002: 74–75].

Исследователь А.А. Злобин, опираясь на мнение Л.Г. Хижняка и проведя собственное исследование, пишет, что свобода является ключевым словом в произведениях А.И. Солженицына. В его книгах: «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Красное колесо», «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и других, слово *свобода* и производные от него лексические единицы были зафиксированы в 3 721 случае [Злобин, 2013: 155].

Исследователь сопоставляет значения слова *свобода*, закрепленные в словарях русского языка и реализацию семантического потенциала данного слова в книгах А.И. Солженицына. А.А. Злобин приходит к выводу, что основными значениями, встречающимися у писателя и фиксируемыми словарями, являются следующее:

- «отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни какого-либо класса или общества в целом»;
- «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе»;

– «возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни» [Злобин, 2013: 155, 158].

Исходя из вышесказанного, заключаем: для А.И. Солженицына важной темой является свобода или несвобода личности. Настоящее исследование стремится определить, какую роль выполняет *свобода* и её дериваты и в других выбранных произведениях В.Т. Шаламова и З. Прилепина. В следующем разделе будут охарактеризованы авторские употребления данного слова и его дериватов, их синтаксические позиции, в сравнении со словом *воля* и его лексическими дериватами.

3.1.2 Реализация смыслового потенциала слов «свобода», «воля» и их лексических дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина

На таблицах в первой колонке представлены значения слов *свобода*, *воля*, зафиксированные в толковых словарях русского языка Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, в трех остальных колонках – их смысловая реализация в художественных произведениях.

Таблица 1. Значения слов

Значение слова <i>свобода</i> в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	Один день Ивана Денисовича (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	Колымские рассказы (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	Обитель (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
«Возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-н. области общественной жизни» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz]	«И еще он успел вернуться к столу, и еще успел сочнуть, что все на месте, соседи спереть ничего не управились, а свободно могли». (2 примера).	«...они говорили свободно , о чем хотели...не боясь ни шпионов, ни надзирателей». (1 пример).	«Деньги теперь он носил при себе: это как-то придавало ему сил – возникало обманчивое ощущение свободы и весомости». (1 пример).

Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» [Там же]	«Список освобожденных уже в ППЧ». (1 пример).	«После войны Шухаева освобождают ». (9 примеров).	«...досрочно освобожденных в этом году не будет». (8 примеров).
«В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества» [Ожегов. URL:goo.gl/8NDJAT]	«Дума арестантская - и та несвободная ...» (3 примера).	«Он понял, что, как ни мизерны возможности выбора, свободной воли арестанта, они все же есть» (2 примера).	«— Вы свободно себя ведёте и на всех них не похожи, — быстро прошептал Моисей Соломонович, указав глазами по сторонам». (7 примеров).
«Располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий» [Ушаков. URL:goo.gl/9A6daS0]	«Испыток не убыток, не попробовать ли в санчасти косануть, от работы на денек освободиться? » (9 примеров).	«Он был освобожден от работы и лежал на нарах». (8 примеров).	«— Я освободила вас от карцера». (5 примеров).
свобода = место (син. Воля, раздолье, простор) [Там же]	- «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!» (1 пример).	«Думал ли он тогда о семье? Нет. О свободе? Нет». (1 пример).	«... часть обвиняемых во главе с Гашидзе находилась на свободе ». (6 примеров).
«Порожний, не занятый, могущий быть использованным» [Там же]	«Бригады сидели за столами или толкались в проходах, ждали, когда места освободятся ». (9 примеров).	« Свободных мест на нарах не было». (5 примеров).	« Освобождается место в бригаде?» (12 примеров).

Таблица 2. Значения слов

Значение слова воля в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	«Один день Ивана Денисовича » (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	« Колымские рассказы » (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	« Обитель » (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
«Сознательное стремление к осуществлению какой-нибудь цели» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8]		«Вся его арестантская, отчаянная воля была сосредоточена давно на одном: не разогнуться. И он не	

		разгибался». (5 примеров)	
«Состояние человека человека, находящегося на свободе, не в заключении, не в тюрьме» [Там же]	«Только этого Шухов и ждал! Теперь-то он, как птица вольная , выпорхнул из-под тамбурной крыши - и по зоне, и по зоне!» (1 пример).	«...без этих блатных словечек не остался ни один человек мужского или женского пола, заключенный или вольный , побывавший на Колыме. (5 примеров).	– «Заключённый Осип Троянский, – объявил Ногтев, – был направлен в бесконвойную, вольную командировку как учёный специалист». (1 пример).
«Желание, требование. Власть, возможность распоряжаться» [Там же]		«...чужая воля всегда была на страже нашего душевного спокойствия». (13 примеров).	–«Согрешил гордостью, в том числе: несмиренностью духа, нежеланием жить по воле Божией, самоволием, самочинием, самомнением, – выкрикивал батюшка Зиновий». (2 примера).
«Полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках <i>Воля ваша, твоя или твоя, ваша добрая воля</i> » [Там же]	- «Ведь вот, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться. Почему ж вы ей воли не даете, а?» (1 пример).		«...бешеная улыбка на лице, страсть остервенения и вседозволенности – со всем этим не стоило связываться. Каждого за ночь подъела собственная неугомонная лихорадка». (2 примера).
«Свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти. Выпустить на волю» (воля =место) [Там же]	«А как на волю ступишь?...» (7 примеров)	«Возвращаясь на волю , он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились...» (5 примеров).	«Мы в тюрьме – они на воле ». (9 примеров).

Из толковых словарей русского языка было выделено шесть значений слова *свобода* и пять значений слова *воля*.

У А.И. Солженицына слово *свобода* и его дериваты наиболее часто реализуются в значении «*располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий*» [Ушаков. URL: goo.gl/9A6daS0] – в основном, это описание заключенных, освободившихся от работы. Либо говорится о предмете или части тела: «*порожний, не занятый, могущий быть использованным*» [Ушаков. URL: goo.gl/9A6daS0], например, *освободилось место, освобождая дорогу, свободной рукой*. Менее характерно для А.И. Солженицына описание состояния человека, не находящегося в заключении, и свободы, как места (син. *воля*) (1 пример).

Воля как место (син. *свобода*), упоминается в тексте 7 раз: *на волю, ступишь на волю, своими ногами на волю*. В произведении не встречается слов и дериватов слова *воля* в значении «*желание, требование, власть, возможность распоряжаться*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8].

Актуализация названных значений в «Одном дне» обусловлена тем, что писатель нацелен на предельно точное описание распорядка лагерного дня. Данные значения указывают на то, что ценность для заключенного, по мнению автора, представлялась возможностью освободиться от работы на какое-то время. Также герой «Одного дня» не склонен рассуждать о свободе и несвободе личности и действовать по своей воле. Тем самым А.И. Солженицын создает нейтральный тон повествования, который способствует выражению главного замысла, как комментирует он сам: «...и даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы» [Солженицын, 1995: 3]. Н.Л. Лейдерман по данному поводу добавляет, что «такие нейтральные и констатирующие фразы служат писателю для выражения абсурдности всего происходящего» [Лейдерман, 2003: 265].

В «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова, напротив, дериваты слова *свобода* в преобладающем количестве реализуются в значении «*состояние того, кто не находится в заключении, в неволе*» [Ушаков. URL:

goo.gl/Xz7icz] (9 примеров). Так же, как и у предыдущего писателя, в «Колымских рассказах» дериваты *свободы* задействованы в описании предметов (5 примеров) и при упоминании заключенного «*освободившегося от каких-н. обязанностей, занятий*» [Ушаков. URL: goo.gl/9A6daS0] (8 примеров).

В отличие от текста А.И. Солженицына, здесь дериваты слова *воля* чаще всего употребляются в значении: «*желание, требование, власть, возможность распоряжаться*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8], автор характеризует чужую волю, как подавляющую: *они в чужой воли, власть чужой воли, чужая воля на страже, навязывание воли* – говорится о начальстве лагеря. Говоря о воле заключенных, В.Т. Шаламов использует словосочетания: *воли к ответу не было, отчаянная воля, напряжение воли*. Герои рассказов склонны к рассуждению и сопротивлению, в пяти значениях *воля* представлена в «*сознательном стремлении к осуществлению какой-нибудь цели*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8]. Также пять значений характеризуют *волю* как место (син. *свобода*).

Исходя из вышеописанного, делаем вывод, что для В.Т. Шаламова в его рассказах важна была тема свободы и несвободы личности. Его персонажи склонны думать и анализировать. Как отмечают исследователи, на самом деле, шаламовского героя отличает поиск истины, желание узнать, «почему» это происходит с ним и что происходит в стране [Лейдерман, 2003: 319]. Также автор детально запечатлевает быт заключенных и выражает свою точку зрения на все происходящее, так как сам являлся участником описываемых событий, и, по его мнению, «писатель должен быть участником жизненной драмы» – то есть пережить то, о чем пишет. [Шаламов 1966: 297; цит. по: Тун-Хоэнштайн, 2007: 35].

В «Обитатели» З. Прилепина дериваты слова *свобода* реализуются в большем количестве, чем в текстах предшественников, в значении *места* (син. *воля*) (6 примеров). *Воля* как *место* реализуется в девяти значениях. Но, как указывает лингвист А.Д. Шмелев: «Свобода и воля – разные понятия

в русском языке», и слово *воля* лучше характеризует мир за пределами лагерей. Ученый отмечает и то, что употребление данного слова более характерно для самих заключенных или людей, принимающих «их точку зрения» [Шмелев, 2002: 70–75].

При этом для автора, так же в сравнении с вышеназванными писателями, менее характерно описание заключенного как «*освобожденного или освободившегося от каких-н. обязанностей*» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz] (5 примеров). Наиболее часто слово *свобода* и его дериваты встречаются в значении «*не занятый, могущий быть использованным*», например, *освобождается место, свободных коек нет* [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz].

3.1.3 Синтаксическая позиция лексем

В таблицах представлены синтаксические позиции, в которых реализуются в произведениях слова *свобода*, *воля* и их дериваты.

Таблица 3. Синтаксические позиции

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi)	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL)	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq)
Подлежащее			«Внутри сердца была неслыханная свобода » (4 примера)
Сказуемое	«Но право ему было дано освободить утром только двух человек» ... (9 примеров).	«Все скоро выяснится, и Серафима освободят и вернут ему деньги» (10 примеров).	«← Я освободила вас от карцера». (13 примеров).
Дополнение	«Приказом тем хотел начальник еще последнюю свободу отнять, но и у него не вышло, пузатого» (3 примера).	«Душевное спокойствие, достигнутое притупленностью наших чувств, напоминало о " высшей свободе казармы "...» (13 примеров).	«Деньги теперь он носил при себе: это как-то придавало ему сил – возникало обманчивое ощущение свободы и весомости» (6 примеров).
Определение	«Дума арестантская - и	«Следственная тюрьма	«...мало того, он имел

	та несвободная... » (6 примеров).	казалась им свободнее и родней родного дома» (2 примера).	право свободного выхода на берег...» (13 примеров).
Обстоятельство	«- Ну как тебя на свободу отпускать?» (3 примера).	«...вот здесь, рядом, за двойными железными воротами, как они говорили свободно , о чем хотели...» (1 пример).	«...часть обвиняемых во главе с Гашидзе находилась на свободе » (4 примера).

Таблица 4. Синтаксические позиции

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
Подлежащее		«...чужая воля всегда была на страже нашего душевного спокойствия». (5 примеров).	«- Этот монах ругался, что их воля всегда была как ваша тюрьма, – сказал Артём» (3 примера).
Сказуемое			
Дополнение	«Этот черпак для него сейчас дороже воли , дороже жизни всей прежней и всей будущей жизни» (4 примера).	«Уж сам он не знал, хотел он воли или нет». (10 примеров).	
Определение	«Теперь-то он, как птица вольная , выпорхнул из-под тамбурной крыши - и по зоне, и по зоне!» (1 пример).	«Федя восхищался привольной жизнью блатарей на прииске, но было в его натуре такое, что мешало ему сблизиться с ворами» (9 примеров).	«...это очень страшно – когда твоя конечность вдруг становится чужой и безвольной... » (6 примеров).
Обстоятельство	«А как на волю ступишь?...» (2 примера).	«Возвращаясь на волю , он видит, что он не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми» (9 примеров).	«Мы в тюрьме – они на воле » (10 примеров).

Проследим, за какими синтаксическими позициями в предложении закреплено анализируемое слово или его дериват.

Подлежащее – «один из главных членов предложения, указывающий на объект, к которому относится сообщаемое» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 379]. В позиции подлежащего слово *свобода* встречается в «Обители» 4 раза, в паре со сказуемыми: *была, приснилась, здравствует*.

В «Колымских рассказах» слово *воля* встречается пять раз в значении «*желание, требование, власть, возможность распоряжаться*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8]. Ему сопутствуют определения: *чужая, отчаянная, могучая*.

В «Обители» три слова *воля* в позиции подлежащего реализуются в значении «*полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8], сопровождается сказуемыми: *была, будет, здравствует*.

«Сказуемое – главный член предложения, в котором выражается сообщаемое» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 455]. Дериват слова *свобода*, выраженный сказуемым, встречается часто во всех трех произведениях: у В.Т. Шаламова девять, у А.И. Солженицына 10, у З. Прилепина 13 раз. У всех названных авторов они выступают в большинстве случаев в значениях незанятого, могущего быть использованным предмета, либо человека, освободившегося от работы на какое-то время и располагающего досугом.

Определение – «это словоформа с признаковым значением. Выделяются такие функции определения по отношению к определяемому слову: индивидуализация предмета, выделение его из ряда однородных и описательно–распространительная (например, оценочная характеристика). [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 348–349]. Больше всего *свободы* в позиции **определения** насчитывает текст З. Прилепина (13

примеров), но чаще всего она обозначает предмет, часть тела, либо ощущения заключенного.

У В.Т. Шаламова встречается шесть примеров, также обозначается предмет или состояние героя. *Воля* у писателя в позиции определения обозначает чаще всего человека, находящегося не в заключении.

«**Дополнение** – член предложения, выражаемый именем существительным и обозначающим предмет, отражающий на себе действие глагольного признака или служащий его орудием» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 138]. У анализируемых авторов *свобода* с помощью дополнения в большинстве случаев выражает «*возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать*» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz]. У А.И. Солженицына ей сопутствует глагол *отнять*. У В.Т.Шаламова о *свободе* мечтают, *ходатайствуют*, к ней *предоставляют*, на нее *имеют право*, *настаивают* и в нее *верят*. У З. Прилепина *свободу* *дают*, *воруют*, про нее *знают*, она *возникает* как ощущение. *Воля*, как дополнение, появляется у В.Т. Шаламова в значении *места* (син. *свобода*), либо в значении «*желание, власть*» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz] и сопровождается словосочетаниями: *не было, помогла бы, требовалась, жить во власти*.

«**Обстоятельство** – это зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения, словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию. Оно характеризует действие или состояние со стороны условий осуществления, а также определяет активный или пассивный признак в качественном или количественном отношении» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 341]. В позиции обстоятельства у А.И. Солженицына *свобода* фигурирует три раза, обозначая в первом случае *незанятый предмет* [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz], во втором «*возможность беспрепятственно действовать*» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz] и в третьем *место* (син. *воля*).

У В.Т. Шаламова обстоятельство встречается в одном случае, в значении *беспрепятственно действовать*.

3. Прилепин использует в данной позиции *свободу* четыре раза, в одном случае это *возможность проявления субъектом своей воли* [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz] и в трех остальных *свобода* – это *место* (син. *воля*). Также в позиции обстоятельства большее число значений *воли* употребляется 3.Прилепиным как *место* (син. *свобода*). *Воля* как *место* (син. *свобода*) в позиции обстоятельства задействована и у В.Т. Шаламова в большинстве случаев.

3.1.4 «Свобода» и «воля»: выводы

Приходим к выводу, что *свобода*, *воля* и их производные функционируют в произведениях таким образом:

Таблица 5. Выводы

Названия произведений	Всего лексем и их производных	Самые часто встречаемые контексты	Самые распространенные синтаксические конструкции
«Один день день Ивана Денисовича»	<i>свобода</i> 26	«Располагающий временем, досугом, освобожденный или освободившийся от каких-н. обязанностей, занятий» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz].	Сказуемое
	<i>воля</i> 10	«Не в тюрьме, не взаперти. Выпустить на волю» (<i>воля</i> =место) [Там же]	Дополнение
«Колымские рассказы»	<i>свобода</i> 27	«Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» [Там же]	Дополнение
	<i>воля</i> 33	«Желание, требование. Власть, возможность распоряжаться»	Дополнение

		[Там же]	
«Обитель»	<i>свобода 45</i>	«Порожний, не занятый, могущий быть использованным. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» [Там же].	Сказуемое, определение
	<i>воля 25</i>	«Не в тюрьме, не взаперти. Выпустить на волю» (воля =место) [Там же].	Обстоятельство

Продланное исследование позволяет свидетельствовать о том, что для В.Т. Шаламова в «Колымских рассказах» важна была проблема своей\чужой воли: возможности беспрепятственно действовать по своей воле, её подавление, угнетение и навязывание чужой. А слово *свобода* и его производные чаще служат для описания состояния человека, находящегося в несвободе. Анализируемые слова и их дериваты находятся в основном в позиции дополнения.

Для А.И. Солженицына в повести «Один день» характерно описание заключенных, освободившихся от работы, каких-либо обязанностей, при этом чаще всего слово *свобода* и его производные находятся в позиции сказуемого. А также воли, как места, где человек находится не в тюрьме, не в заключении, где *воля* в предложении в основном играет роль дополнения.

У З. Прилепина в «Обители» в большинстве случаев слово *свобода* и его дериваты описывают какой-либо незанятый предмет, либо состояния человека в несвободе. Используются глаголы и прилагательные. Воля, выраженная в наибольшем количестве обстоятельством, предстает, как место, где человек свободен от заключения.

3.2 Ключевые слова «труд» и «работа»

3.2.1 Труд как объект идеологизации в советской действительности

Создателями поэтических произведений в лагерях, как правило, выступали люди, отбывающие срок по статье 58 РК РСФСР (контрреволюционная деятельность). Князья, купцы, белогвардейцы, актеры, помещики, духовенство и представители различных групп интеллигенции [Шульгина, 2010: 292].

Осмысление труда в соловецком лагере отражает основные моральные принципы советского общества. Если в газетах и журналах пропагандировалось следующее: «труд делает человека счастливым и свободным, поэтому следует работать много и старательно». Или так: «Труд в СССР – дело чести, славы, доблести и геройства» (И.В. Сталин) [Шульгина, 2010: 293]. То и лагерным заключенным внушалась подобная мысль. Социалистический труд в лагере получает положительную характеристику, выраженную в словах «бодрый», «упорный», «годы великих работ», «заветная цель», «светлая надежда». То есть труд, направленный на искупления вины, очищения, исправления. Напротив труд в бывшем Соловецком монастыре – это труд «мрачный», «унылый» и «непроглядная тьма» [Шульгина, 2010: 295].

В 1925–30х годах заключенные начали привлекаться к лесозаготовочным работам при минимальной механизации производства, следовательно, появились стихотворения и лозунги следующего содержания: «Лес! Вот, где раздолье! Вот, где свободно дышу!» [Шульгина, 2010: 296].

В 1930–е начинают практиковаться новые методы мотивации – соцсоревнования, льготы, сокращение срока заключения.

Однако в неофициальной прозе и поэзии концепт «труд» наделяется не очищающим, а inferнальным содержанием. Принудительный труд приравнивается к проклятию, к Соловецкому лагерю применяется метафора ада. [Шульгина, 2010: 297, 299].

В следующем разделе обратимся к трактовке понятий «труд» и «работа» в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина.

3.2.2 Реализация смыслового потенциала слов «труд», «работа» и их лексических дериватов в произведениях А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина

Таблица 6. Значения слов

Значение слова труд в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq)
«Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [Ожегов. URL: goo.gl/WiZ51T]		«Лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд , ненавидеть труд вообще» (21 примеров).	«Монахи тут, помните, как говорили: “ В труде спасаемся!”» (8 примеров).
«Усилие, направленное к достижению чего-н. (С трудом уговорил кого-н. Без труда не выловишь и рыбку из пруда (посл.))» [Там же]	«.. и трудно ему будет вернуться в то жилистое, не голодное и не сытое состояние, что сейчас» (1 пример).	«...С каждым днем сил становилось все меньше. Ему, тридцатилетнему мужчине, уже трудно взбираться на верхние нары, трудно спускаться». (14 примеров) = (непосильный труд) (Там же)	«Работа оказалось не самой трудной , зря пугался». (5 примеров) (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq (Там же)
«Основанный на применении труда». = (трудовой) [Ушаков. URL: goo.gl/LD7qMe].	«Ну, еще кто нормы трудодней не выполняет...» (3 примера).	«И самое главное в трудовом лагере - врач определяет " трудовую категорию "» (10 примеров).	«... всё это как будто бы должно обеспечивать твердый, нормальный трудовой режим ...» (3 примера).
Результат деятельности,	«...всякую вещь и труд всякий	«Дороги всегда прокладывают в тихие	«В роте всем им выдали по

работы, произведение [Там же]	жалеет он, чтоб зря не гинули». (1 пример).	дни, чтоб ветры не замели людских трудо в». (1 пример).	пирожку с капустой за ударный труд » (1 пример).
----------------------------------	---	--	---

Таблица 7. Значения слов

Значение слова работа в толковых словарях русского языка (Ушаков, Ожегов)	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
«Продукт труда, готовое изделие» [Ожегов. URL: goo.gl/gge8Sn].	«- Слышь, Павло, за эту работу с бригадира сто рублей, меньше не возьму!» (2 примера).	«Баранов, напарник Дугаева, помогавший зрителю замерять сделанную работу ...» (5 примеров).	
«Формы принудительного труда с карательной или воспитательной целью» [Ушаков. URL: goo.gl/rnLpMz].	«Степан Григорьич, гонкий такой да звонкий, сам сумутится, и больным нет покою: выдумал всех ходячих больных выгонять на работу при больнице...» (36 примеров).	«Примитивный тайный расчет начальства был таков, что дождь и холод заставят нас работать . Но ненависть к работе была еще сильнее»... (127 примеров).	«...на общих работах , часто вкалывали без часов, пока не выполнят норму» (39 примеров).
«Действие по глг. работать; то, чем кто-нибудь занят, занятие, труд». = не принудительная [Там же]	«Такая пошла работа - недосуг носу утереть» (28 примеров).	« Работе он учился с мальчиков – у дяди, такого же кузнеца, каким был отец Моисея» (10 примеров).	«– Я работал в конторе! – всхлипывал он. – С бумагами!» (6 примеров).
«работа, отведенный для работы, предназначенный для нее» [Там же]	«Разошлись ребята опять по работам » (3 примера).		«Он прибыл в лагерь два с половиной месяца назад, получил из четырёх возможных первую рабочую категорию » (1 пример).

Из толковых словарей русского языка было выделено четыре значения слова *труд* и четыре значения слова *работа*.

Как видно из таблицы, у В.Т. Шаламова наиболее частотное использование слова *труд* и его дериватов, чем у двух других авторов. Также примечательно, что В.Т. Шаламов в основном использует отрицательную коннотацию слова *труд*. Несколько раз приводится лозунг с лагерных ворот: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL), в рассказах «Татарский мулла и чистый воздух», «Сухим пайком» и «Галстук». При этом каждый раз призыв трудиться в лагере подвергается критике со стороны автора: Варлам Шаламов сравнивает надпись с цитатой на воротах немецких лагерей «Каждому свое» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). Автор отрицает, что лагерный труд является делом чести, доблести и геройства, по его мнению, такой труд здесь может быть чем угодно, только не делом славы, он может вызывать только ненависть и отвращение у заключенных. Как известно из биографии писателя, из-за тяжелых условий жизни и непосильного труда, он многократно находился при смерти. Слово *труд* и его дериваты, встречающиеся в значении «усилие, направленное к достижению чего-нибудь» [Ожегов. URL: goo.gl/WiZ51], чаще всего обозначают именно непосильный человеческим возможностям труд, что не наблюдается с такой частотностью у А.И. Солженицына и З. Прилепина. В.Т. Шаламов называет труд заключенных *рабским, многочасовым, физическим, мучительным и изнуряющим*.

Слово *работа* и его дериваты встречаются в тексте В.Т. Шаламова в ста сорока двух случаях. В основном это описание работы заключенных, чаще всего смысл таких работ трактуется негативно автором: упоминаются тяжелые погодные условия, при которых совершается работа, незаконное использование труда заключенных, неоднократно повторяется, что работа является принудительной, изнуряющей, доводящей заключенного до смертельного состояния или смерти. Контексты, в которых находится рассматриваемое слово, позволяют узнать в деталях, в чем заключается работа лагерников, как они питаются, какие существуют способы избежания работы, какое обращение они получают от начальников. Образ начальника

здесь так же, как и работа, наделяется негативными свойствами, так как он является человеком, заставляющим работать: *«Все эти люди (начальники) ежедневно, ежечасно твердят заключенному только одно: работай! Давай!»*, *«примитивный тайный расчет начальства был таков, что дождь и холод заставят нас работать»* (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). Антиподом начальнику является врач, так как он может позволить получить заключенному легкую «категорию труда», по которой рассчитывается норма работы или вовсе освободить от обязанностей, положив в больницу. В десяти случаях *работа* и её лексические дериваты используются для обозначения работы персонажей до заключения, такая работа не характеризуется автором негативно.

У А.И. Солженицына в слова *труд*, *работа* и их лексические дериваты вкладывается меньше негативного смысла, главным образом, потому что герой повести положительно относится к труду, даже если он лагерный и принудительный: *«Всякую вещь и труд всякий жалеет»* (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi). Главный герой, как писал по этому поводу сам А.И. Солженицын: *«Простой советский человек»*. В тексте неоднократно проявляется любовь к труду такого человека: *«Диво дивное: вот время за работой идет!»*, *«Такая пошла работа - недосуг носу утереть»* (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi). Также в тексте А.И. Солженицына зафиксировано больше случаев употребления *работы* и её дериватов, обозначающих не принудительную деятельность (28 примеров), это может быть рассказ лагерника о жизни до заключения, описание подработки в лагере или работа, которая главным героем не воспринимается как карательная или принудительная. Таким образом, автор использует нейтральный тон повествования, тем не менее выказывая свою точку зрения на происходящее. Например, говоря о новом докторе: *«Выдумал всех ходячих больных выгонять на работу при больнице... Говорит, от болезни работа – первое лекарство»* (Там же). Здесь стоит отметить авторскую иронию, так как тяжелая работа, о которой идет речь, не может способствовать

выздоровлению заключенных. Или здесь: *«Утром зэка надо накормить, чтоб он работал, а вечером и так уснет, не подойдет»* (Там же). Нарочито пренебрежительное описание подчеркивает отношение к человеку как исключительно к рабочему элементу: питание нужно только для восстановления сил для дальнейшей работы. Далее обратимся к словарю Д.Н. Ушакова, где использование слов *дохлый, издохший* применительно только по отношению к животным, следовательно, говоря о заключенном *«не подойдет»*, писатель подчеркивает соответствующее с ним обращение [Ушаков. URL: goo.gl/I26KCA].

В тексте Захара Прилепина так же, как и у его литературных предшественников, лексема *работа* и её лексические дериваты реализуются при описании принудительного труда лагерников (39 раз). Как и в «Колымских рассказах» здесь слово *труд* встречается в надписи на лагерных воротах: *«Мы новый путь земле укажем. Владыкой мира будет труд!»* (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq). В упоминании прилепинским персонажем наиболее легкой работы так же видна переключка с В.Т. Шаламовым: *«Выгодная работа – это всегда та работа, куда берут мало людей...Работа, куда берут двадцать, тридцать, сто, – это тяжелая работа»* (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). У Захара Прилепина сказано так: *«Вот вам маленькая наука: всегда старайтесь выбрать работу, куда берут меньше людей. Она проще»* (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq) . Главными антагонистами здесь являются не начальники лагеря, а десятник Сорокин и блатной Ксива. Например, десятник заставляет заключенных работать, при этом автором используется экспрессивно-эмоционально окрашенная лексика: *«Подымайся, шакал! Думаешь, ты не сможешь работать на одной ноге? Сможешь! Сможешь вообще без ног, йодом в рот мазанный!»* (Там же). Блатной Ксива так же грозит герою расправой за невыполнение работы: *«Работать не будешь – вечером выдавлю глаз и заставлю съесть»* (Там же). Начальник лагеря Эйхманис, в отличие от тех начальников, что предстают в текстах А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, не заставляет заключенных

работать напрямую, но его одобрение важно для главного героя: «*Артём работал расторопно, быстро, даже с удовольствием – и усталости не ведал. Эйхманис это заметил, Артём точно знал – и оттого стал работать ещё лучше*» (Там же).

3.2.3 Синтаксическая позиция лексем

Таблица 8. Синтаксические позиции

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
Подлежащее		« Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» (6 примеров).	«Мы новый путь земле укажем. Владыкой мира будет труд! » (1 пример).
Сказуемое		«...липкий, вязкий хлеб, над выпечкой которого трудились которого трудились великие, неподражаемые мастера...» (1 пример).	«В 12-й тоже трудились на общих работах, часто вкальвали без часов, пока не выполнят норму» (3 примера).
Определение	«Служу трудовому народу!» (2 примера).	«М-могу, – выговорил Платонов и в первый раз за этот трудный день улыбнулся» (9 примеров)	«Работа оказалось не самой трудной , зря пугался» (3 примера).
Дополнение	«Ну, еще кто нормы трудодней не выполняет...» (2 примера).	«Лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд » (Там же).	«Не знаю, что там со спасением, а в труде монахи знали толк» (13 примеров).
Обстоятельство	«Сразу он представил, как ослабеет там, оголодает и трудно ему будет вернуться...» (1 пример).	«Ему, тридцатилетнему мужчине, уже трудно взбираться на верхние нары, трудно спускаться» (10 примеров).	«Спал трудно – будто сам сон стал работой» (1 пример).

Таблица 9. Синтаксические позиции

Синтаксические	«Один день Ивана Денисовича»	«Колымские рассказы»	«Обитель»
----------------	------------------------------	----------------------	-----------

позиции	Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	(Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
Подлежащее	« Работа – она как палка, конца в ней два...» (7 примеров).	«Это была ночная работа » (20 примеров).	« Работа оказалось не самой трудной, зря пугался» (7 примеров).
Сказуемое	«Ты не работаешь , гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду?» (24 примеров).	«...пять столяров на своих верстаках работали без телогреек и шапок» (37 примеров).	«Когда солнце зашло за полудень, мужичок отказался работать » (33 примера).
Определение	«И шутит вслед бригадиру, широким шагом сходящему по трапу: -- Что, гадство, день рабочий такой короткий?» (2 примера).		«Он прибыл в лагерь два с половиной месяца назад, получил из четырёх возможных первую рабочую категорию...» (4 примера).
Дополнение	«Диво дивное: вот время за работой идет!» (17 примеров).	«После работы наумовский дневальный наливал в наши котелки холодную «юшку» (52 примеров).	«После пней тело нлыо, как надорванное, – наутро казалось, что сил больше для работы нет » (22 примера).
Обстоятельство	«...выдумал всех ходячих больных выгонять на работу при больнице...» (16 примеров).	«...разведешь с утра костер пожарче, чтобы в обед было где согреть ноги и руки, заложишь побольше дров и уходишь на работу » (37 примеров).	«Я на эту работу больше не пойду» (8 примеров).

Проследим, за какими синтаксическими позициями в предложении закреплено анализируемое слово или его дериват.

Больше всего в тексте В.Т. Шаламова *работа* и *труд* выражаются в позиции дополнения – в пятидесяти двух случаях встречается *работа* и в восемнадцати случаях *труд*. *Труд* в качестве дополнения часто появляется в паре со словами *ненависть*, *отвращение* и функционирует в таких контекстах: *отвращение к труду*, *ненависть и отвращение к труду*, *ненавидеть физический труд*, *ненавидеть труд вообще*. Существительное

работа в позиции дополнения чаще всего выступает в паре со словами *выгодная, тяжелая, физическая, многочасовая*. Из чего делаем вывод, что автор выполнял задачу описать тяжесть и мучительность лагерной работы, подчеркнуть неподдельную ненависть к ней заключенных. В роли обстоятельства *работа* встречается 37 раз, а *труд* 10. *Труд* в основном выступает как наречие *трудно* и обозначает *усилие, направленное к достижению чего-нибудь* [Ожегов. URL: goo.gl/WiZ51T]. При этом, в отличие от двух других писателей, *трудно* здесь обозначает именно непосильную для человеческих возможностей трудовую деятельность, усилие: «*тяжело и мучительно трудно*»; «*в один из дней Андреев удивился, что он еще живет...*», «*подниматься на нары было так трудно*», «*думать о смерти было так же трудно, как и о чем-нибудь другом*» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5ggqL). Существительное *работа* в качестве обстоятельства чаще всего обозначает место, куда отправляют трудиться заключенных. Автор подчеркивает перевернутые представления лагерного мира, например, когда предмет гордости заключенного составляет хождение на работу без конвоя: «*бесконвойное хождение на работу всем по-серьезному нравилось, составляло предмет гордости и похвалы*» (Там же). В позиции главного члена предложения *работа* выступает в десяти случаях, *труд* в шести. Подлежащее *работа* появляется в паре со сказуемыми: *была тяжела, была ему тяжела, нанесла раны, не нравилась, была пустая*. Подлежащее *труд* несколько раз встречается в паре со сказуемым: *есть дело чести*, но тут же объясняется, что эта формулировка неприменима к лагерному труду. Глаголы *работать, работали, работают*, выраженные сказуемым, появляются в тексте 37 раз и служат описанию рабочей деятельности заключенных, например, одежды в которой работают: «*конечно же, спали в том, в чем работали, – в шапках, телогрейках*» (Там же). Говорится о времени: *работал мало, работал первый день, на следующий день опять работал, работали по шестнадцать часов*. Описание места: *работал в забое, работал на стланиках, работал в геологоразведке, работал на черной*

работе, работал на общих работах, работал на расчистке пути, работал на шахте. Проанализировав обусловленность синтаксической позицией, делаем вывод, что В.Т. Шаламовым были описаны места работы заключенных, тяжелые условия жизни, во всех деталях обрисован непосильный человеческий труд, являющийся часто следствием смерти лагерников. Работа и труд в лагере всегда наделяется автором отрицательной коннотацией.

В «Одном дне Ивана Денисовича» *работа* чаще функционирует в роли сказуемого (24 примера) и выражена глаголами *работать, работал*: «*Поясницу и спину всю до плечей тянет, ломает - как работать?*» «*Наработался вот, еле спину распрямил. Зэка надо накормить, чтоб он работал*» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi). Из контекстов мы можем понять, что после лагерной работы заключенные испытывают боль в пояснице, не могут распрямить спину, значит, их работа достаточно тяжела. По ходу повести автор еще не раз дает читателю понять, что лагерная работа способна смертельно выматывать заключенных: «*только этим зэки и спасаются, что на работу тянутся медленно*», «*кто быстро бегают, тому сроку в лагере не дожить*» (Там же). Тем не менее, А.И. Солженицын не наделяет своего персонажа неприязнью к работе, напротив, герой трудится с энтузиазмом: «*Диво дивное! вот время за работой идет*»; «*от быстрой хватчивой работы прошел по ним сперва первый жарок; работу эту он правил лихо*»; «*И Шухову чудно', чтобы кто-то так мог работать, звонка не замечая...*»; «*Шухов совсем забыл, что сам он только что так же работал*» (Там же). Если у В.Т. Шаламова герои чувствуют усталость при работе на морозе: «*Поташиников понимал, что выдержать дольше не может... мороз пронизывал все тело до костей*» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5ggL); то у А.И. Солженицына работа, напротив, помогает бороться с холодом: «*Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз от быстрой хватчивой работы*» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi). В тексте частотно использование слова *работа* в позициях

дополнения (17 примеров) и обстоятельства (16 примеров), где она обозначает место, например, описывается обед, который герой берет на работу, погодные условия, при которых заключенных могут или не могут *выгнать* на работу. Главный герой научился довольствоваться малым, например, он перебирает запасы хлеба, рассчитывая, сколько может взять на работу, а сколько оставить, после чего остается доволен: *житуха!* В конце повести Шухов радуется, что лагерный день прошел для него без происшествий, он сумел *подработать* и купить себе *табачку*. Таким образом, происходит расхождение между тем, что видит читатель и чувствует главный герой, создается «трагифарсовый энтузиазм», о котором пишут исследователи творчества А.И. Солженицына [Лейдерман, 2003: 265].

В «Обители» слово *труд* в большинстве случаев зафиксирован в позиции дополнения, а *работа* – сказуемого и дополнения. Глаголы *работать, работай, работают* используются для описания трудовой деятельности заключенных чаще всего карательной и принудительной. В отличие от двух других авторов, в роли обстоятельства работа фигурирует в меньшем количестве, чем в роли других членов предложения (восемь примеров).

3.2.4 «Труд» и «работа»: выводы

Приходим к выводам, что *труд, работа* и их производные функционируют в произведениях таким образом:

Таблица 10. Выводы

Названия произведений	Всего лексем и их производных	Самые часто встречаемые контексты	Самые распространенные синтаксические конструкции
«Один день день Ивана Денисовича»	<i>Труд</i> 5	«Основанный на применении труда» = (трудовой)	Дополнение, определение

		[Ушаков. URL: goo.gl/LD7qMe].	
	<i>Работа 69</i>	«Формы принудительного труда с карательной или воспитательной целью» [Там же]	Сказуемое
«Колымские рассказы»	<i>труд 46</i>	«Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [Там же]	Дополнение
	<i>Работа 142</i>	«Формы принудительного труда с карательной или воспитательной целью» [Там же]	Дополнение
«Обитель»	<i>Труд 17</i>	«Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [Там же]	Дополнение
	<i>Работа 46</i>	«Формы принудительного труда с карательной или воспитательной целью» [Там же]	Сказуемое

Анализ лексем *труд*, *работа* и их производных позволяет сделать следующие выводы:

Для исследуемых писателей в данных произведениях более характерно использование слова *работа*, чем слова *труд*. Прделанное исследование

показывает, что для В.Т. Шаламова в «Колымских рассказах» остро стояла проблема тяжелой, принудительной работы, вызывающей ненависть заключенных и часто приводящей к смертельному исходу. Подавляющее количество лексем *труд*, *работа* наделено отрицательной коннотацией. Понятия труд вообще и труд в лагере разделяются, В.Т. Шаламов указывает, что труд в лагере не может быть честным, благородным или делом славы, также указывается, что после подобного труда, заключенные приучаются испытывать отвращение к любому виду трудовой деятельности, лагерный труд накладывает неисправимый отпечаток на физическое и духовное здоровье лагерников.

В тексте А.И. Солженицына наблюдается самый большой разрыв между частотностью употребления слов *труд*, *работа* и их лексических дериватов – 5 примеров со словом *труд* и 69 с *работой*. В основном *работа* фигурирует как сказуемое в предложении и выражена глаголами, что свидетельствует о том, что для автора более характерно описание рабочей деятельности заключенных, чем мест их работы. Данное обстоятельство отличает «Один день Ивана Денисовича» от «Колымских рассказов», в которых *работа* чаще всего выступает как дополнение. Также проделанный анализ позволяет сделать вывод, что для А.И. Солженицына больше, чем для двух других авторов, характерно имплицитное выражение своей точки зрения на происходящее: его главный герой не осознает абсурдности своей жизни в лагере.

Для «Обители» Захара Прилепина так же, как для текста А.И. Солженицына, характерно употребление глаголов *работать*, *работай*, *работают* в качестве сказуемого: обычно это описание рабочей деятельности или призывы работать, направленные на заключенных. С лексемой *работа* и её лексическими дериватами часто встречается эксперссивно-эмоционально окрашенная лексика. Люди, заставляющие других работать, наделяются отрицательными характеристиками (в основном это сами заключенные, например десятники), часто описываются

совершаемые ими избиения и враждебность по отношению к другим заключенным. Наблюдаются схожие места с «Колымскими рассказами».

3.3 Ключевые слова «заключенный», «зэк», «лагерник» и «лагерь»

3.3.1 Функционирование и синтаксическая позиция лексем «заключенный», «зэк», «лагерник» в текстах А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина

Как известно, между В.Т. Шаламовым и А.И. Солженицыным существовали творческие и личные разногласия. Писатели познакомились в 1962 году в редакции «Нового мира», в этом же году началась их переписка, продолжавшаяся до 1966 года. На сегодняшний день опубликована часть писем, принадлежавших В.Т. Шаламову, так как со стороны А.И. Солженицына существовали ограничения на публикацию его писем. Как пишет в своей статье Н.В. Ганущак: «Один – поэт, философ, и другой – публицист, общественный деятель, они не могли найти общего языка» [Ганущак, 2007: 108]. Таким образом, художественное мировосприятие у писателей было разное: пессимистичное и трагическое у Варлама Тихоновича и тяготеющее к эпическому спокойствию у Александра Исаевича. Так, В.Т. Шаламов достаточно сдержанно оценивал «Один день Ивана Денисовича», отмечая как достоинства, так и недостатки, которые он высказывал в письмах к А.И. Солженицыну: ставил под сомнения правдивость сюжета, указывал на существование более мрачного лагерного мира. Сам же А.И. Солженицын в своем очерке «С Варламом Шаламовым» пишет, что их писательские разногласия были вызваны «пессимизмом» Шаламова, его неприязнью к слову зэк, «введенному «Солженицыным, особенностями восприятия синтаксических знаков» [Там же].

В данном разделе наше внимание будет направлено на использование писателями слов, обозначающих заключенных. Как было сказано ранее, слово *зэк*, введенное А.И. Солженицыным, вызывало разногласия между ним и В.Т. Шаламовым. Это слово практически не употреблялось в лагерях, заключенные говорили чаще *зе – ка*, либо *зык*. Тем не менее, слово *зэк* прижилось и вошло в оборот, вытеснив своих предшественников.

По словарю Т.Ф. Ефремовой (с пометкой «разговорное») «зэки – люди, находящиеся в заключении; заключенные, арестанты» [Ефремова, 2000].

Заключенный в словаре Д.Н. Ушакова обозначает «лицо, находящееся в заключении, под арестом», во втором значении – «содержащийся, помещающийся внутри чего-нибудь» [Ушаков. URL: goo.gl/7IzvQx].

За значением слова *лагерник* обратимся к словарю С.И. Ожегова: «Лагерник – человек, содержащийся в лагере» [Ожегов. URL: goo.gl/tGo81D].

Лексемы «заключенный», «зэк», «лагерник» и «лагерь» были зафиксированы в синтаксических позициях подлежащего и дополнения. Проследим на таблице:

Таблица 10. Синтаксические позиции

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
Подлежащее	Не считая сна, лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином (1 пример).	« Заключенный приучается там ненавидеть труд» (18 пример) (Там же)	Что по решению Эйхманиса лагерники успешно разводят ньюфаундлендскую ондатру... (43 пример).
	А заключенные... лежат на нарах поверх одеял в валенках... (5 пример).		«...командовал такой же заключённый , как они, бывший милиционер Крапин» (26 пример).

	...быстро пробежали зэки по своим делам (51 пример).		«...видно, такие же зэки -развозчики вдосталь отхлёбывали по дороге...» (4 пример).
Дополнение	«Самое сытное время лагернику – июнь» (4 пример).	«...я не буду доносить на такого же заклученного , как я сам, чем бы он ни занимался» (49 пример).	«Сорокин любитель придумчиво забавляться над лагерниками » (28 пример).
	«... заклученным часов не положено, время за них знает начальство» (3 пример).		«Обсуждали вы такие темы, как посадка заклученных в одном белье в карцер» (64 пример)
	«Как последнего зэка из зоны выведут и счет сойдется» (27 пример).		«...успел подшиться и полистать местный, в лагере выпускаемый самими же зэками журнал “Соловецкие острова»

В «Одном дне Ивана Денисовича» насчитывается 79 случаев употребления слова *зэк*, в то время как слово *заклученный* встречается 8 раз, слово *лагерник* – 5. По сравнению с двумя последующими текстами, «Один день» насчитывает самое большое количество употреблений слова *зэк* и самое наименее частотное употребление слова *заклученный*. Самой распространенной синтаксической позицией для лексемы *зэк* является позиция подлежащего. Проведя анализ контекстов с лексической единицей *зэк*, приходим к выводу, что мир ГУЛАГа представлен своими законами, и *зэки* во многом к ним приспособливаются и воспринимают их как должное. Например, никто из *зэков* не имеет часов и не знает времени, так как это здесь ни к чему: «*Зэку только надо знать – скоро ли подъем? До развода сколько? до обеда? До отбоя?*» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi). У *зэка* формируется другое представление о свободе: после дня с тяжелой работой и

вечернего пересчета и вплоть до следующего утра он может почувствовать себя *свободным человеком*. В отличие от текста З. Прилепина, здесь слово *зэки* не наделяется отрицательной коннотацией, хотя говорится о том, что главным врагом для арестанта является сам арестант, отмечается и тот факт, что *«в лагере бригада – это такое устройство, чтоб не начальство зэков понукало, а зэки друг друга»* (Там же). Из чего делаем вывод, что такое поведение заключенных не столько их вина, сколько результат сложившейся системы. Лексемы *заключенный* и *лагерник* в большинстве случаев используются при описании дня в лагере, описании самих арестантов. Из контекстов можем понять, что лагерник имеет *ястребиные глаза*, которые сразу могут высмотреть, какую посылку получил другой заключенный и какие в ней продукты. Так лагерники в тексте наделяются характеристиками из животного мира. Часто подчеркивается постоянный голод, к которому заключенные уже привыкли: *«Зэка желудок все перетерпливает» «Самое сытное время лагернику – июнь: всякий овощ кончается и заменяют крупой. Самое худое время – июль: крапиву в котел секут»* (Там же).

Из вышесказанного делаем вывод, что главные враги для заключенного в тексте А.И. Солженицына – это начальство и сами заключенные, однако со стороны автора вторые не наделяются негативными качествами, дается понять, что так устроена система выживания в лагере.

В «Колымских рассказах» употребление слова *заключенный* зафиксировано 67 раз, слова *зэк* и *лагерник* в тексте отсутствуют. Самая распространенная синтаксическая позиция – дополнение, что свидетельствует о том, что в большинстве случаев над заключенными кто-то совершает действия, а не они являются действующим лицом. Только 5 раз в тексте В.Т. Шаламова фигурирует аббревиатура *з/к* в рапорте лагерной администрации: *«Согласно Вашему распоряжению...простоя 4 бригады з/к з/к... з/к Инжектора арестовать на трое суток...для привлечения з/к...Предлагаю заменить з/к»* (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). Таким образом, можно говорить только об административном характере

употребления данного слова, так как встречается оно только в официальном документе лагерного начальства. Лексической единице *заклученный* в тексте часто противопоставляются лексемы *вольнонаемный*, *вольняшка*, *договорник*. Например: *«Это были вчерашние заключенные, только что отбывшие свой срок, и называвшиеся в лагере полупрезрительным словом «вольняшки». Во время нашего переезда у сорока человек этих вольнонаемных едва нашлось два рубля, когда понадобилось купить махорку, но все же это был уже не наш брат»* (Там же). Из контекстов понимаем, что слова *вольнонаемный*, *вольняшка* получают в тексте отрицательную коннотацию, так как данной категории лиц предоставлялось больше прав и возможностей, чем отбывающим заключение: *«Пройдет два-три месяца, и они приоденутся, могут выпить, паспорт получают, может быть, даже через год уедут домой» «Сеансы для вольнонаемных отличались от кино для заключенных... лучшие места для вольнонаемных»* (Там же). Не случайно и в справочнике по ГУЛАГу Ж. Росси определяет слово *заклученный* через отрицание слова *вольнонаемный*: *«Заклученный – не вольнонаемный»* [Росси, 1991: 122]. Лексеме *заклученный* противопоставляются к тому же лексические единицы *начальник*, *начальство*, они также наделены отрицательной коннотацией: *«...начальства, обедающего, обирающего заключенных без всякого контроля, без всякого страха, без всякой совести»* (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). Защитниками заключенных в тексте выступают врачи, как говорилось выше, они могли спасти от непосильного труда, но также они могли защитить от лагерного начальства, так как имели больше власти, как специалисты. В «Колымских рассказах» больше, чем в двух других текстах, освещена проблема подавления личности заключенного, предпринята попытка ответить на вопрос, почему он становится озлобленным к другим заключенным: *«...заклученный подавлен лагерем. Все, что было дорогим, растоптано в прах, цивилизация и культура слетают с человека в самый короткий срок»* (Там же). Также заключенные часто называются по профессии: *юристы-заклученные*, *врачи-заклученные*; или по названию

социальных групп, к которым они принадлежали: *интеллигенты-заклученные, заключенные крестьяне.*

На основе проделанного анализа делаем вывод, что главными врагами заключенных в «Колымских рассказах» является начальство, главным противопоставлением заключенному служит вольнонаемный. Подробно разбирается физическое и психическое состояние человека, находящегося в условиях несвободы и подавления воли.

В «Обители» частотно употребление слова *лагерник* – 71 пример, *заклученный* – 90, *зэк* – 7. Основной синтаксической функцией для лексем *лагерник* и *зэк* является подлежащее. Для лексемы *заклученный*, напротив, основная функция – дополнение. Из чего следует, что *заклученный* не является действующим лицом, а в большинстве случаев над ним кем-то совершаются какие-либо действия.

В наименовании слова *лагерник* специализированным компонентом значения является пространственное представление, то есть имеется в виду именно отбывание срока в лагере, а не в тюрьме. В романе З. Прилепина лексема *лагерник* часто наделяется отрицательной коннотацией: «*А любой из них (лагерников) – злая тварь, мечтающая зарыться в свою прогнившую душегрейку и переждать, пока все вокруг передохнут...*» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq). Также в тексте лагерники сравниваются с *тупым скотом*, они не могут проявлять сочувствия и сильны только вместе: «*он не боялся никого из лагерников и чувствовал себя сильнее любого из них в отдельности*» (Там же). Далее лагерники часто сравниваются с животными. Например, сравнение с собаками: «*Чтоб здесь тайно не устраивали лагерникам случек, как для собак*» (Там же). В одном отрывке главный герой и вовсе приравнивает заключенных к диким зверям, каждого ассоциируя с конкретным животным: «*Вот и лагерники...нары полны всякого зверья. Кроты, крысы, лисы – все грызутся, дерут друг друга, обнюхивают... Кто там на воротах...Может, там два козла сидело, с козлиными глазами, а я и не заметил*» (Там же). Лагерники в тексте лишены индивидуальности и

каких-то отличительных черт, обычный лагерник представлен так: *«глаза поухили, гонор поистратился, походка стёрлась»* (Там же). Главный герой сравнивает больных лагерников с сушеной воблой: *«Почти все больные лагерники показались Артёму схожими, как сушёная вобла»* (Там же). Зэки в «Обитель» также представлены отрицательно. Например, их радует чужой страх: *«...зэки не без удовольствия разглядывали, как идут от причала новички. Чужой страх грел, радовал»* (Там же). Если у зэка получается каким-либо образом возвыситься над другими, он пользуется своим положением и может забыть о своих обязанностях: *«...зэки-развозчики вдосталь отхлёбывали по дороге, а в последний раз ягодников вообще забыли покормить...»* (Там же). Лексема *заклученные* так же во многих случаях зафиксирована с негативной коннотацией, например, подчеркивается, что врагами заключенных являются сами заключенные: *«...заклучённых мучают сами же заключённые. Прорабы, рукрабы, десятники, мастера, коменданты, ротные, нарядчики, завхозы, весь медицинский и культурно-воспита-тельный аппарат, вся контора – все заключённые»* (Там же). Однако заключенным также противопоставляется и лагерная администрация: *«...Сотрудник ИСО Горшков понуждал к сожигательству женщин, присваивал деньги и вещи заключенных», «...В четвёртом отделении СЛОН систематически избивали заключенных, часами выдерживали на улице и привязывали к столбу»* (Там же). Несколько страниц романа посвящено описаниям издевательств лагерного начальства над заключенными, например: *«Под звуки гармонии избивали заключенных валенками с металлическими гирями; загоняли раздетых заключенных под мост в воду, где выдерживали их по нескольку часов»* (Там же).

В ходе проделанной работы стало известно, что лагерники у З. Прилепина представляют собой безликую массу. Попадая в подобную массу, человек теряет свою идентичность, что происходит и с главным героем в конце романа. Главными врагами заключенных являются представители лагерной администрации и сами заключенные.

3.3.2 Репрезентация в текстах лексемы «лагерь» и смысловое наполнение и синтаксическая позиция лексемы «лагерь» в текстах А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина

Лагерный опыт А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова уже был описан в первой главе. Также по первой главе нам известно, что З. Прилепин работал с историческими документами, способствующими формированию его мнения о лагерях. В следующем разделе проследим, как реализуется лексема *лагерь* в их художественных текстах.

Стоит отметить, что лексема *лагерь* у анализируемых авторов употребляется только в одном значении – «место содержания заключенных» [Ушаков. URL: goo.gl/GUPOSa].

При анализе синтаксических позиций было выявлено, что существительное *лагерь* в тексте реализуется как дополнение, обстоятельство либо как подлежащее.

Таблица 12. Синтаксические позиции

Синтаксические позиции	«Один день Ивана Денисовича» (Солженицын. URL: goo.gl/BLpssi).	«Колымские рассказы» (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL).	«Обитель» (Прилепин. URL: goo.gl/1aQkUq).
Подлежащее	« Лагерь через то со строительства тысячи лишние выгребают да своим лейтенантам премии выписывает» (7 примеров)	« Лагерь же мог прививать и прививал только ненависть и отвращение к труду» (6 примеров)	« Лагерь выявлял в себе всё новые качества, думал Артём» (5 примеров)
Дополнение	«И чтобы брюхо не занывало, есть не просило, перестал он думать о лагере , стал думать, как письмо будет скоро домой писать» (19 примеров).	«Интеллигент-заключенный подавлен лагерем » (15 примеров).	«... лагерю ж мало денег переводят...» (38 примеров).
Обстоятельство	«В лагере бригада – это такое устройство, чтоб не начальство зэков понукало, а зэки	«Десятник увел всех нас в лагерь » (40 примеров).	«С первого дня в лагере он знал одно: главное, чтоб тебя не отличали...» (25 примеров).

	друг друга» (57 примеров).		
--	-------------------------------	--	--

Лексема *лагерь* встречается в тексте А.И. Солженицына 83 раза, её основной синтаксической функцией является функция обстоятельства (57 примеров). Из чего следует, что лагерь в тексте чаще всего упоминается как место пребывания.

Автор, в отличие от В.Т. Шаламова, не высказывает напрямую негативного отношения к лагерю. Однако читатель все-таки понимает, что представляет собой это место. Например, герой А.И. Солженицына говорит об общих работах, в которых задействованы заключенные: «*А попробуй в каторжном лагере оттянуть десяточку на общих!*» (Солженицын. URL: goo.gl/VLpssi). В данной цитате речь ведется о губительности тяжелой работы, способной за десять лет довести человека до смертельного исхода. Или вот здесь: «*Кто быстро бегаёт, тому сроку в лагере не дожить – упарится, свалится*» (Там же). Речь в данном отрывке ведется о том, что расходование своих сил в лагере помимо основной работы может так же привести к смертельному исходу. Заключенные в лагере имеют перевернутые представления о свободе. Например, рассуждающий о свободе слова в каторжном лагере герой повести приходит к выводу: «*Чем в каторжном лагере хорошо – свободы здесь от пуза*» (Там же). На самом деле полный контроль над жизнью заключенных ведется начальниками лагеря: «*По лагерям да по тюрьмам отвык Иван Денисович раскладывать, что завтра, что через год да чем семью кормить. Обо всем за него начальство думает*» (Там же). На основании вышесказанного, функционирование лексем *лагерь* в повести А.И. Солженицына дает основание заключить, что писатель, несмотря на нейтральный тон повествования, относился к системе лагерей отрицательно.

В «Колымских рассказах» лексема *лагерь* фигурирует 61 раз, в большинстве случаев в предложении является обстоятельством (40 примеров).

Лагерь в понимании В.Т. Шаламова это место более страшное и несправедливое, чем ад: «Колыма не была адом. В аду мучаются виновные. Ад – торжество справедливости. Колыма – торжество абсолютного зла» [Шаламов 1987: 8; цит. по: Райзман, 2009: 58]. Писатель каждый раз подтверждает это в своих рассказах: *«Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели»* (Шаламов. URL: goo.gl/9o5gqL). В остальных рассказах приведенная цитата полностью раскрывается. Например, лагерь является отрицательной школой для заключенных, потому что *учит ненавидеть физический труд и труд вообще*, начальник в лагере получает полную и бесконтрольную власть над заключенными, после чего приучается смотреть на себя как *на бога*, как на *представителя высшей расы*, лагерь *развращает и растлеивает* и рабочих, прибывших сюда по договорам. Еще один тип лагерников, описанный В.Т. Шаламовым, представляется ему одним из самых ужасных – это *блатари*. Как говорится в тексте: *«блатные – не люди»*. Автор указывает, что их воровская идеология растлеивает и отравляет остальных заключенных: *«Нечто блатное навсегда поселилось в их душах, воры, их мораль навсегда оставили в душе любого неизгладимый след»* (Там же). Лагерь является миром с перевернутыми законами, иначе говоря – антимиром, он изолирован от внешнего пространства и представляется островом, смерть там становится *«обыденностью, а притупленность чувств снимает интерес к мертвому телу»* (Там же). Итак, лагерь для В.Т. Шаламова имеет всегда отрицательную коннотацию, лагерный опыт представляется губительным для любого человека.

У 3. Прилепина лексема *лагерь* встречается 68 раз, основной синтаксической функцией здесь выступает функция дополнения (38 примеров). В отличие от двух предыдущих авторов, в качестве подлежащего лексема *лагерь* практически не встречается (пять примеров). Из чего следует, что лагерь здесь не выступает как действующее лицо.

В предыдущем разделе было установлено, что заключенные в «Обитатели» в большинстве представляли безликую массу, один не отличался от другого. Анализ контекстов с лексемой *лагерь* дает понимание, почему так происходило: *«С первого дня в лагере он знал одно: главное, чтоб тебя не отличали, не помнили и не видели...»* (Там же). При этом отмечается, что лагерники вовсе не безграмотные и неспособные на какую-либо мысль: *«Не один он умел в лагере читать книги и считать дроби. Тут и поумней его встречались на каждом шагу»* (Там же). Из чего делаем вывод, что лагерная система была способна сломать и обезличить и таких людей. Однако по ходу повествования встречается такая фраза: *«Это не лагерь, это лаборатория!»* (Там же). Далее говорится о создании здесь нового человека, то есть заключенных перевоспитывают, здесь даже есть школа для ликвидации безграмотности. Также в лагере существует своя метеорологическая станция, биостанция, музей, к тому же лагерники разводят животных (песцов, шиншилловых кроликов, чёрно-бурых, красных и серебристых лисиц). В тексте дается понять, что все это происходит благодаря начальнику лагеря Эйхманису, так как он *«очень любит флору и фауну»* (Там же). Стоит отметить, что этот герой наделяется положительными характеристиками. Например, он обладает феноменальной памятью: *«Эйхманис помнит едва ли не весь лагерь по именам»* (Там же). Описание внешности начальника лагеря также не может отталкивать читателя, такой облик можно назвать утонченным: *«Запястья у начлагеря не мужицкие, а будто бы у музыканта, и пальцы тонкие, а ногти – бледные, стриженные, чистые»* (Там же). Автором подчеркивается и сила Эйхманиса: *«Сама фамилия “Эйхманис” звучала так, как взмах ножниц, которыми отрезают голову»* (Там же). Тем не менее, З. Прилепин подчеркивает, что, несмотря на все это, лагерь остается местом с высокой смертностью заключенных: *«Каждый день кто-то умирает! И это – быт Соловецкого лагеря»* (Там же).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В результате анализа эмпирического материала, представленного 1028 лексемами и их дериватами из произведений А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», З. Прилепина «Обитель», удалось выявить различный подход к теме лагерей у названных писателей. Были сделаны выводы, изложенные ниже.

Лексема *свобода* и её дериваты реализуются в анализируемых текстах в шести значениях, лексема *воля* и её дериваты – в пяти. Самое распространенное значение для слова *свобода* и её дериватов у А.И. Солженицына является такое: «*Располагающий временем, досугом, освободившийся от каких-нибудь обязанностей*». То есть говорится о заключенном, свободном от рабочих обязанностей [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz]. Слово *воля* в текстах у А.И. Солженицына и З. Прилепина чаще всего реализуются в качестве места: «*Не в тюрьме, не взаперти*» [Ушаков. URL: goo.gl/Q3xxJ8]. В тексте же В.Т. Шаламова *воля* и её дериваты обозначают чье-то «*желание, требование*», чью-то «*власть и возможность распоряжаться*» (Там же). В основном говорится о требованиях лагерного начальства и подавленной воле заключенных. Лексема *свобода* и её дериваты в «Колымских рассказах» реализуются в значении: «*состояние того, кто не находится в заключении*» [Ушаков. URL: goo.gl/Xz7icz]. В «Обители» Захара Прилепина *свобода* и её дериваты чаще используются для обозначения «*порожного, незанятого предмета*», либо описывается «*состояние того, кто не находится в заключении*» (Там же).

Лексеммы *труд* и *работа* и их лексические дериваты функционируют в текстах в четырёх значениях, зафиксированных в толковых словарях. У всех трех авторов *работа* и её дериваты всегда обозначают «*формы принудительного труда с карательной или воспитательной целью*» [Ушаков. URL: goo.gl/rnLpMz]. Говоря о труде, В.Т. Шаламов и З. Прилепин в своих текстах подразумевают «*деятельность человека, направленную на создание с*

помощью орудий производства материальных ценностей» [Ожегов. URL: goo.gl/WiZ51T]. Стоит отметить, что лексема *труд* не является ключевой для «Одного дня Ивана Денисовича», так как встречается только в пяти случаях в значении «*основанный на применении труда*» [Ушаков. URL: goo.gl/LD7qMe].

Лексемы *лагерник* и *зэк* реализуют свои значения у всех трёх авторов в соответствии с представленными в толковых словарях русского языка. Слово *заклѹчѣнный* в текстах используется всегда только в одном значении: «*лицо, находящееся в заключении, под арестом*»; лексема *лагерь* всегда обозначает «*место содержания заклѹчѣнных*».

Основной синтаксической позицией для лексемы *свобода* и её дериватов в произведении А.И. Солженицына является сказуемое, для слова *воля* – дополнение; *труд* чаще всего употребляется как дополнение и определение, а *работа* – как сказуемое. Для текстов В.Т. Шаламова характерно употребление слов *свобода*, *воля*, *труд*, *работа* в позиции дополнения. В тексте З. Прилепина лексема *свобода* её дериваты выступают как сказуемое и определение, *воля* – как обстоятельство; лексема *труд* – как дополнение; лексема *работа* – как сказуемое. У всех трёх авторов слова *лагерник*, *заклѹченный*, *зэк* находятся в позициях подлежащего и дополнения, слово *лагерь* – в позиции подлежащего, дополнения и обстоятельства.

Анализ контекстов показал, что для А.И. Солженицына характерна безоценочность, своеобразное имплицитное выражение точки зрения на происходящее. Из контекстов мы можем понять, что его мнение о лагере является отрицательным. В тексте В.Т. Шаламова *труд*, *работа* и *лагерь* в большинстве случаев наделяются отрицательной коннотацией. Писателю в его рассказах больше, чем двум остальным, присущи рассуждения о жизни в лагере, о тяжелой работе, о его влиянии на личность. В тексте З. Прилепина выявлено наибольшее число эмоционально-окрашенной лексики, при этом *лагерь* не всегда характеризуется отрицательно, герои произведения

называют и его положительные стороны, например, налаженное производство, обучение грамоте заключенных и культурную лагерную деятельность. В «Обители» наличествуют схожие моменты с «Колымскими рассказами». Однако для Захара Прилепина свойственна отличная от предыдущих текстов система персонажей. Например, в «Одном дне» и «Колымских рассказах» лагерная администрация всегда наделяется негативными характеристиками, в «Обители» начальник лагеря Эйхманис во многом представлен как положительный персонаж. Лагерники у Захара Прилепина в большинстве случаев представлены как отрицательные герои, часто они приравниваются к животным и характеризуются как безликая масса. Названные факты дают основания заключить, что текст Захара Прилепина находит схожие моменты с предыдущими, однако его авторская точка зрения на лагерь отличается от той, что представлена его литературными предшественниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа представляет собой попытку изучения функционирования лексем *свобода, воля, труд, работа, лагерник, заключенный, зэк, лагерь* и их дериватов, репрезентирующих часть языковой картины мира писателей в произведениях А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», З. Прилепина «Обитель».

Значения лексем были сопоставлены со значениями, зафиксированными в толковых словарях. Анализ контекстов помог установить вкладываемые авторами смыслы в выбранные лексемы. Также было выявлено использование различных синтаксических позиций.

Была рассмотрена каторжно-лагерная традиция и характерные черты лагерной прозы. Привлечены факты из биографии выбранных писателей, прослежены замыслы по созданию произведений, анализируемых в данной работе.

Было подробно изучено понятие языковой картины мира, ключевых слов, языковой личности, понятийного и лексико-семантического поля.

Исследование было проведено на основе 1028 лексем *свобода, воля, труд, работа, лагерник, заключенный, зэк, лагерь* и их дериватов, представленных в контекстах произведений А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», З. Прилепина «Обитель». В ходе исследования использовались таблицы для классификации лексем и их дериватов. Был сделан вывод о различном отношении авторов к лагерной теме и, как следствие, разным смысловым посылам.

Данное исследование имеет практическую ценность, так как вносит вклад в изучение языковой личности А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, З. Прилепина, а также лагерного быта, жизни советского человека в условиях несвободы, отношения к труду.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в расширении рамок изучения функционирования данных слов в художественных текстах, а также в расширении списка ключевых слов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественные тексты

1. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича [Электронный ресурс]. 1968. URL: goo.gl/LVo30p (дата обращения: 23.04.2017).
2. Прилепин З. Обитель. [Электронный ресурс]. 2014. URL: goo.gl/1aQkUq (дата обращения: 23.04.2017).
3. Шаламов В.Т. Колымские рассказы [Электронный ресурс]. 1966–1967 URL: goo.gl/ENvqC0 (дата обращения: 23.04.2017).

Научные тексты

1. Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии / Ред. колл.: В. П. Муромский и др. – СПб.: Рос. нац. библиотека, 2007. С. 5–7.
2. Апресян Ю.Д.. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды/ Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. Т.2.
3. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2007. С. 93–95.
4. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. 1973. №1. С.107–114.
5. Большев А.О. Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно–лагерной прозы XX века // Филология и культура. 2016. 4 (46). С. 129–138.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Наука, 1980. 358 с.
7. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
8. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113

9. Ганущак Н.В. Шаламов и Солженицын: взаимосвязь и противостояние // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 104–109.
10. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. С. 396–405.
11. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и влияния на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297
12. Гутина Е.А. Лексико–семантическое поле в индивидуальной языковой системе (на материале ЛСП «обида» в художественной речевой системе М. Горького): автореф. дис. ...канд. филол. наук.: 10.02.01. Н. Новгород, 1997. 228 с.
13. Емельянова Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 155–158.
14. Епанчинцев Н.В., Паршина А.С. Образ лагеря в рассказе В.Т. Шаламова «Прокаженные» // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 11. С. 108–110.
15. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой Т. [Электронный ресурс]. 2000. URL: goo.gl/ZQc4NH (дата обращения 01.05.2017).
16. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
17. Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях. Калинин: КГУ, 1978. 87 с.
18. Злобин А.А. Семантика и функционирование слова свобода в произведениях А.И. Солженицына: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. Киров, 2007. 165 с.

19. Злобин А.А. Отражение семантики глагола «освободить» в произведениях А.И. Солженицына // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 39. С. 106 – 109.
20. Злобин А.А. Ключевое слово А.И. Солженицына: смысловый потенциал и его реализация // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 3. С. 155–169
21. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1976. 356 с.
22. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
23. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
24. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М: Эдиториал, 2000. 350 с.
25. Кожина М.Н. [Электронный ресурс]. 2003. URL: goo.gl/mHS0oX (дата обращения 01.06.2017)].
26. Копелиович М. Сталин, Солженицын и еврейский вопрос [Электронный ресурс]. 2013. URL: goo.gl/QoLA0t (дата обращения: 02.06.2017)
27. Котюсов А.А. Изображая правду [Электронные ресурс]. 2014. URL: goo.gl/ZWusWn (дата обращения: 01.06.2017).
28. Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3. С. 53–56.
29. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира писателя // Вестник Северного Федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6. С. 125–130.

30. Киреева Т.В. А.И. Солженицын как языковая личность сквозь призму современных исследований // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 9. С. 74–80.
31. Куренкова Т.Н. Лексико–семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского Государственного Аэрокосмического университета им. Академика М.Ф. Решетнева. 2006. 4 (11) С. 173–178.
32. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990–е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. 1968. М.: Академия, 2003. Т. 1. С. 260–332.
33. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
34. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Том 2: Художественная литература, 1987. С. 418–494.
35. Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.10. Саранск, 2003. 236 с.
36. Минералов А.Ю. «Каторжно–лагерная» сюжетно–образная традиция в русской прозе XX века. 2012. 1 (18). С. 106–112.
37. Михайлик Е. Один день Ивана Денисовича или реформа языка // Новое литературное обозрение. 2014. 2 (126) С. 289–305.
38. Морозова Т. «Простой и ясный взгляд» на Соловки. [Электронный ресурс]. 2014. URL: goo.gl/Fgdprf3 (дата обращения 01.06.2017).
39. Ожегов С.И. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. 1949–1992. URL: goo.gl/YofUuk (дата обращения: 23.04.2017).
40. Прилепин З. Биография [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/i6R0lv (дата обращения: 01.06.2017).
41. Прилепин З. Зовут меня Захар Прилепин [Электронный ресурс]. 2016. URL: goo.gl/TcJRHC (дата обращения: 01.06.2017).

42. Райзман М. Задержанная литература: учеб. пособие. Магадан: Охотник, 2009. 136 с.
43. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. 269 с.
44. Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.В. Серебрянников. М.: Наука, 1990. 238 с.
45. Серегина М.А. Понятие языковой картины мира в когнитивной лингвистике: аспекты и виды // Мир лингвистики и коммуникации. 2007. С. 55–65.
46. Славина А.Б. Специфика сюжетно-композиционной структуры романа З. Прилепина «Санька» // European social science journal. 2012. № 3 (19). С.172– 175.
47. Старикова Л.С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского Государственного университета. 2015. 2–4 (62). С. 169–174.
48. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной [Электронный ресурс]. 2003. URL: goo.gl/mHS0oX (дата обращения: 22.04.2017).
49. Солженицын А.И. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-би-си // Звезда. 1995. № 11. С. 3–7.
50. Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль, 1997. Т.3. 560 с.
51. Соседова В.С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике // Вестник МГИМО университета. 2013. С. 275–279.
52. Тун-Хознштайн Ф. Поэтика неумолимости. Варлам Шаламов: жизнь и творчество // Восточная Европа. 2007. Вып. 6. С. 35–52.
53. Устименко В.В. К проблеме культурологи раннего творчества А.И. Солженицына (1955–1974) // Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры (к 80-летию со дня рождения писателя): матер. междунар. науч.конф. Тезисы докладов / Сост. и ред. д-р филол. наук,

проф. Н.И. Глушко; Отв. за выпуск канд. филол. наук, доц. Е.В. Белопольская. Ростов н/Дону, 1998. С. 19–21.

54. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. 1935–1940. URL: goo.gl/PkzDe5 (дата обращения: 23.04.2017).

55. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

56. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. 14. С. 23–60.

57. Фумм А.М. Тюрьма в Русской литературе второй половины XIX века // Вестник Самарского юридического института. 2015. 2 (16). С. 105–110.

58. Халитова Н.Р. Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУГАЛГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: Особенности структурно-семантической организации: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Магнитогорск, 2000. 194 с.

59. Хижняк Л.Г. Ключевые слова в прозе А.И. Солженицына // Филология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. 200 с.

60. Шеина И.М. Лексико–семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 69–72.

61. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1999. № 1. С. 3–16.

62. Ширина Л.С. Активный синтаксис прозы А.И. Солженицына // Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры (к

80-летию со дня рождения писателя): Матер. междунар. науч. конф. Тезисы докладов / Сост. и ред. д-р филол. наук, проф. Н.И. Глушко; Отв. за выпуск канд. филол. наук, доц. Е.В. Белопольская. Ростов н/Дону, 1998. С. 47–48.

63. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки русской культуры, 2002. 224 с.

64. Шульгина М.В. Концепт «труд» в поэзии и фольклоре соловецкого лагеря особого назначения (1923-1933 годы) // Общественные науки. 2010. №4. С. 290–302.

65. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

66. Эльзенбах М.А. Художественный мир «Колымских рассказов» Варлама Шаламова (на примере рассказов «Апостол Павел» и «Дождь») // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2012. № 9. С. 224–225.

67. Trier Jost. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Die Geschichte eines sprachlichen Feldes I. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jhdts. Heidelberg: Winter, 1931. P. 55–57.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК

И.В. Евсеева

« 16 » июля 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ЛАГЕРЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»,
В.Т. ШАЛАМОВА «КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ»,
З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»)**

Выпускник

Д.В. Максимова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. А.Н. Сперанская

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017